

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ****«ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ, НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ»****Феофано: византийская принцесса на германском престоле*****Бардашова Татьяна Николаевна****Студентка**Уральский Государственный Университет имени М. Горького, Екатеринбург, Россия**E-Mail: dreamcomes@mail.ru*

В средневековой Европе императорский титул являлся олицетворением высшей власти. За императорским венцом в Рим в разные столетия, мечтая о создании великой империи, отправлялись такие прославленные правители, как Карл I, Оттон I, а также их не менее амбициозные потомки. Корона, полученная из рук Папы Римского, представляла собой символическое признание власти венчаемого императора и являлась подтверждением его силы и влияния. В этом восхождении великих властителей к вершинам могущества их неизменно сопровождали супруги, которые также короновались императорским венцом. Становясь императрицами-соправительницами, они, одновременно с высоким титулом, получали и широкие полномочия, позволяющие оказывать существенное влияние на жизнь средневекового государства. Тем не менее, зачастую эти женщины оставались в тени своих мужей - знаменитых императоров.

Первой женщиной-императрицей, реально управлявшей Священной Римской Империей в X в., была византийская принцесса Феофано (954/5 - 14 апреля 991). Вопрос об ее происхождении и сегодня достаточно спорен. В частности, часть ученых (Gieselbrecht, Hartmann, Wimmer, Шлоссер), доверяя свидетельствам Лиутпранда Кремонского, полагают, что Феофано была дочерью византийского императора Романа II, то есть порфирородная царевна. Другая часть историков (Грегоровиус) усматривает в Феофано дочь императора Константина VII Порфирородного, то есть сестру Романа II. Остальная часть исследователей (Hirt, Балакин, Колесницкий), ссылаясь на Титмара Мезенбургского, полагают, что она приходилась племянницей Иоанну Цимисхию, то есть не была порфирородной. Тем не менее, неясное происхождение Феофано не помешало ей стать супругой Оттона II и вместе с ним венчаться императорской короной Священной Римской Империи 14 апреля 972 г.

Документальные акты и нарративные источники Средневековья, среди которых хроники Эберхарда Гандерсгеймского, Адальберта – продолжателя Регинона Прюмского, Титмара Мезенбургского, Регенсбургского духовенства, анналы Сангаллена, Альтахенса, Хильдесхайма, Корбенсиса, Вайсенбурга, Айсидленсиса, Кведлинбурга, Саксонии, Ламперта Герсфельдского, Флодоарда, сочинения Лиутпранда Кремонского и Видукинда Корвейского, свидетельствуют, что при жизни императора Оттона II Феофано активно участвовала в государственных делах. В частности, она сопровождала супруга в военных походах против сарацин, присутствовала на совещаниях императора и князей, участвовала в приемах иностранных послов, ходатайствовала перед супругом о пожаловании подданным земель и имущества. Также она единолично владела обширными земельными владениями в Италии и Германии, из которых жаловала своим подданным бенефиции. Используя свое огромное влияние на супруга, Феофано способствовала назначению византийцев на высокие придворные должности. К примеру, при ее непосредственном ходатайстве был рукоположен аббатом Нонатолы в 982 г. грек из Калабрии - Иоанн Филагат.

После смерти Оттона II в 983г., когда сын Феофано - император Оттон III, был еще несовершеннолетним, она стала во главе регентского совета. Сначала совместно с бабушкой Оттона III – Адельгейд, а с 987 по 991гг. единолично, Феофано управляла Священной Римской Империей, фактически превратившись из императрицы-соправительницы в полновластного императора. И, если в начале своего регентства она лишь подтверждала привилегии, дарованные Оттоном I и Оттоном II, и жаловала грамоты от имени Оттона III, то в дипломах, датированных 989 г. Феофано начинает даровать земли и имущество от себя лично, то есть от лица «императрицы-августы», а в грамотах от 991 г. она фигурирует уже в качестве императора - «Феофаний (вместо Феофания) милостью Божией император август». В тоже время вероятность ошибки переписчика следует исключить, так как подобная титулатура была использована в нескольких дипломах. При этом в датировках неизменно указывались не годы регентского правления Феофано при Оттоне III, а срок ее «соимператорства» с Оттоном II, иначе говоря, с момента императорской коронации 14 апреля 972 г. Очевидно, что эти документы являются наиболее убедительными свидетельствами властных притязаний Феофано. Кроме того, известно, что она неоднократно совещалась с итальянскими маркграфами и германскими князьями, при помощи советников вершила суд над своими подданными и разрешала имущественные споры. Вместе с этим, императрица вела активную внешнюю политику. Так в период нахождения ее у власти был заключен договор с Францией, по которому империи возвращался город Верден, а также велись успешные военные компании против полабских славян. Особенно важно, что «Саксонский анналист», подводя итоги правлению, Феофано пишет, что императрица умерла «после того как всю империю под своей властью объединила».

Конечно, в истории средневековой Европы можно встретить и другие примеры женщин-правительниц. Однако феномен Феофано заключается в том, что она была единственной женщиной в истории Священной Римской Империи, совершившей фактически политический переворот, отстранив Оттона III и всех потенциальных претендентов (Адельгейд) на управление империей. Не довольствуясь лишь положением регента при своем малолетнем сыне, Феофано решила, следуя примерам византийских императриц Ирины и Феодоры, не только реализовать свою власть императрицы в полном объеме, но и пойти дальше своих предшественниц и примерить на себя венец императора. Вероятно, лишь преждевременная кончина в 991 г. не позволила византийке стать полновластным правителем Священной Римской Империи.

Литература

- Gieselbrecht W. Geschichte der Deutschen Kaiserzeit in den 4 Bücher. Braunschweig, 1855, Buch 3, S. 580-582, 601-608.
- Hartman L.M. Geschichte Italiens im Mittelalter. Die ottonische Herrschaft. Gotha, 1915, IV Band, S.95-99.
- Hirt F. Otto der Grosse. Heilige und Helden des Mittelalters: von Wolfram von den Steinen. Breslau, 1928, S. 135-136.
- Huch R., Deutsche Geschichte in den 3 Bücher. Berlin, 1954, Buch 1, S. 67.
- Wimmer F.P. Kaiserin Adelheid. Gemahlin Ottos I. des Grossen in ihrem Leben und Wirken von 931-973. Regensburg, 1897, S. 85-86.
- Балакин В. Д. Творцы Священной Римской империи. М., 2004, С. 92-93, 98, 182-183, 247-249, 252.
- Грегориус Ф. История города Рима в Средние века. М., 2008, С. 475, 481-486.

**От Ульбрихта к Хонекеру: внешнеполитический аспект борьбы за власть
в политбюро ЦК СЕПГ в 1969-1971 гг.**

Богуславский Алексей Русланович

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alex-bogus@rambler.ru

Смена высшего руководства в условиях «реального социализма» была тождественна серьезному внутривластному кризису, анализ которого – одна из малоизученных тем в современной исторической науке. В Германской Демократической Республике переход власти, при сохранении правящего режима, произошел лишь один раз. В 1971 г. пост первого секретаря ЦК СЕПГ, что в соответствии с традицией социалистических стран означало место руководителя государства, занял Эрих Хонекер. Он сменил на этом посту одного из «отцов-основателей» и фактически бессменного на протяжении двадцати лет лидера ГДР Вальтера Ульбрихта. Официальное объяснение этому событию как для внутреннего, так и для внешнего пользования дал 16 пленум ЦК СЕПГ, прошедший в мае 1971 г.

Создается впечатление, что в отличие от других стран социалистического содружества, где смена власти практически всегда была связана с, по меньшей мере, забвением уходящего лидера (В. Гомулка – 1970 г.), а иногда и с попыткой сделать из него «козла отпущения» (Н.С. Хрущев – 1964 г.), в ГДР В. Ульбрихт номинально оставался у власти: для него был создан почетный пост «Председателя СЕПГ», кроме того, он продолжал быть Председателем Государственного совета ГДР. Однако попытка представить назначение Хонекера как закономерную «смену поколений» в ГДР была лишь завесой для того, чтобы скрыть поражение Ульбрихта в латентной борьбе за власть в политбюро СЕПГ в 1969-1971 годах (Spittmann, 1971, S. 568). Одним из центральных расхождений между Ульбрихтом и Хонекером был вопрос внешней политики, а именно, отношения ГДР к «новой восточной политике» канцлера ФРГ Вилли Брандта и места Восточной Германии в конъюнктуре разрядки между ФРГ и социалистическим лагерем, в первую очередь, СССР.

Изучение данной проблемы крайне привлекательно потому, что ГДР занимала особое место в социалистическом содружестве, находясь на границе двух противоборствующих систем, ее внешняя политика всегда была практически зажата между полем интересов СССР и Западной Германии. Внешнеполитический фактор имел особое влияние на политическую жизнь в стране. Как Ульбрихт, так и Хонекер пытались активно использовать его в своих закулисных маневрах друг против друга на рубеже 1970-х годов.

Такая постановка темы исследования связана еще и с тем, что на данный момент в российской германистике написано лишь несколько статей, которые затрагивают смену власти от Ульбрихта к Хонекеру (напр.: Бетмакаев, 2005). И, несмотря на то, что в самой Германии издано уже немало работ по этой проблематике (Stadt, 1996; Kaiser, 1997; Sarotte, 2001), необходимость более детального изучения ее в России очевидна: латентные противоречия между Ульбрихтом и Хонекером были тесно связаны с политикой руководства КПСС в германском вопросе и его «братским» вмешательством в выработку линии СЕПГ в отношении «новой восточной политики» Брандта.

Источниковой базой данного исследования стали документы «Архива партийных и массовых организаций бывшей ГДР» (SAPMO-BArch), находящегося в Берлине, которые были доступны мне в результате учебной стажировки осенью 2008 г. Российские архивы РГАНИ и АВП РФ пока не рассекретили требуемые для изучаемой темы документы (в первую очередь, протоколы заседаний политбюро ЦК КПСС). Также, в рамках исследования, были проведены интервью с восточногерманскими

политиками, бывшими современниками смены руководства ГДР на рубеже 70-х годов: Г. Хэбером (статс-секретарь по общегерманским вопросам при ЦК СЕПГ в 1965-1971 гг.), Й. Митданком (руководитель отдела «Западный Берлин» в МИД ГДР в 1968-1978 гг.), Э. Кренцом (член ЦК Союза свободной немецкой молодежи в 1971 г.; осенью 1989 г. – первый секретарь ЦК СЕПГ).

Проведенное исследование показало, что главным спорным вопросом в сфере внешней политики в руководстве СЕПГ был вопрос о взаимоотношениях между ГДР и ФРГ, связанный с приходом в З. Германии в сентябре 1969 г. социал-либеральной коалиции во главе с Брандтом. С этого момента определились две расходящиеся линии в политбюро. Ульбрихт, проявив готовность к диалогу с Брандтом (страны не имели дипломатических отношений) без выдвижения максимальных требований – немедленного признания ГДР, стремился захватить инициативу не только в деле переговоров ГДР с ФРГ, но и в рамках сближения ФРГ со всем социалистическим содружеством. Кроме того, стареющий восточногерманский лидер (ему было на тот момент 78 лет) стремился укрепить такой внешнеполитической инициативой свой авторитет в политбюро. Этому противодействовал стремящийся к власти «наследник» Ульбрихта – Хонекер, который в германском вопросе занял линию агрессивного «отмежевания» от ФРГ, критики Брандта и, что самое главное, полного согласования и подчинения действиям Советского Союза.

В работе показано, что исход этого противостояния был предрешен весной-летом 1970 г. после неудачных германо-германских переговоров в Эрфурте и Касселе, провалившейся попытки Ульбрихта в начале июля отстранить Хонекера от занимаемого им поста председателя Секретариата ЦК СЕПГ и секретной встречи Хонекера и Брежнева, где Брежнев полностью подтвердил претензии Хонекера на власть, Ульбрихт потерял возможность оказывать реальное влияние на выработку внешней политики ГДР. Во второй половине 1970 – начале 1971 года ему пришлось отказаться от своих внешнеполитических инициатив и попытаться предстать перед руководством КПСС сторонником жесткого курса по отношению к ФРГ. Однако логику развития событий уже нельзя было повернуть вспять. Фиаско в деле налаживания отношений с ФРГ, ставка Брежнева на сторонника жесткого курса по отношению к ФРГ Хонекера стали одним из решающих факторов, приведших к отстранению Ульбрихта от власти в мае 1971 года.

Литература

1. Бетмакаев А.М. Хонекер против Ульбрихта. Борьба за власть в руководстве ГДР в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4 (38). Барнаул, 2005. С. 12-16.
2. Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker. Funktionsmechanismen der SED-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. Berlin, 1997.
3. Sarotte M.E. Dealing with the Devil. East Germany, Détente and Ostpolitik, 1969-1973. Chapel Hill, 2001.
4. Staadt J. Walter Ulbrichts letzter Machtkampf // DA, 5, 1996. S. 686-700.

Феномен страха во внешней политике Германии после падения Берлинской стены**Божко Вячеслав Юрьевич***Студент**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: slavik.bozhko@gmx.de*

С начала 1990-х годов Германия стала играть качественно новую роль в современной и мировой политике. Страна обрела свое полноценное «Я» в связи с воссоединением двух немецких государств. Ликвидация военно-блокового противостояния на европейском континенте, самороспуск ОВД, распад СССР привели к разбалансировке европейского устройства в его геополитическом, военно-стратегическом, экономическом измерении. Германия после воссоединения стала лидирующим государством на континенте по многим показателям: население, географическое положение... Но главное – это мощная экономика. Даже несмотря на долгое «переваривание» бывших земель ГДР в течение 1990-1993 годов, Германия оставалась лидером в Европе. После таких перемен в системе международных отношений страна, безусловно, стала рассматриваться в первую очередь соседями, а также партнерами по ЕЭС (с 1993 – ЕС), НАТО (за исключением США), в качестве нового лидера; Германию подталкивали на данную роль. Но немцы вели свою внешнюю политику начала 90-х годов нерешительно, сдержанно.

Три события инициировали начало переосмысления немцами роли и места их государства в европейской и мировой политике: война в Персидском заливе, попытка путча в бывшем СССР, гражданские войны на Балканах и в Сомали (Шёлген, 1994). Окрепло сознание, что Германия нужна мировому сообществу в качестве одного из мировых лидеров и что она должна участвовать в решении проблем, возникающих все чаще в мире. Однако во внешней политике, которая становилась по мере интеграции Германии в мировые и европейские процессы все более интенсивной, немцы столкнулись с таким внутренним социальным фактором, как страх. Они боялись самих себя. Драматичные события прошлого еще напоминали о себе своей недавностью. Ощущался отпечаток сильной Германии 60 лет назад, который немцы очень хотели бы смыть. Во-вторых, Германию боялись ее соседи и партнеры, правда каждый по своим причинам. Франция опасалась например, что Германия создаст новую «восточную» Европу, перенесет международный центр тяжести с Запада Европы на Восток. В итоге немцы ощущали себя как в ловушке, испытывая страх перед самими собой, сила стала для них чуждой. Их тревожит то, что их боятся и будут бояться их союзники. Немецкие политики нечасто говорят о национальных интересах Германии и сводят дискуссию на коллективные интересы. Философия внешней политики сводится к принципу, что попытки искать национальные ответы на глобальные вызовы обречены на провал. В результате мы увидим, как немцы станут самыми энергичными проводниками интеграции ЕС. Немцы кровно заинтересованы в как можно более быстром процессе расширения Союза и ясно заявляют об этом. И такая политика попытки угодить всем вызвана рядом причин, где не последнюю очередь занимает именно психологическое состояние немецкого общества, политический климат.

Данное исследование имело целью найти первоисточник мотивации внешней политики Германии после падения Берлинской стены. Оно в целом показало, что именно сдержанность внешней политики и отсюда взвешенность шагов в будущем отразилось на Германии благоприятно. Принимая во внимание тот факт, что ФРГ на рубеже десятилетий столкнулась с рядом проблем, которые необходимо было в ближайшем будущем решить (проблема вхождения ГДР в структуру НАТО, гарантия германо-польской границы, враждебное восприятие событий 1989-1990 годов Францией, отношения СССР-Германия и т.д.), она прекрасно справилась с ними, и в современном

мире нашлось бы мало государств, с которыми у Германии были бы разногласия. Фактор страха в психологии заставляет человека действовать несколько иначе. А когда на уровне подсознания этот фактор перемещается в целое общество, это отражается на более глобальном уровне, что и было показано на примере внешней политики.

Литература

- Ахтамзян А.А.* Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Москва, 2008.
Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. Москва, 2005.
Крейг, Гордон. Немцы. Пер. с английского С.Л. Никольского. Москва, 1999.
Обичкина Е.О. Франция в новом мировом порядке: внешняя политика конца 80-х-90-х годов. Москва, 2000.
Павлов Н.В. История современной Германии 1945-2005. Москва, 2006.
Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ. Москва, 1992.
Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие: пособие по страноведению. Курс лекций. Москва, 2001.
Патрушев А.И. Германия в XX веке. Москва, 2004.
Плато, Александр фон. Объединение Германии. Борьба за Европу. Москва, 2007.
Пленков О.Ю. Мифа нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб, 1997.
О внешней политике Германии // Современная Германия: реферативный сборник (ред.-сост. Амплеева А.А.). Москва, 2002.
Шёлген, Грегор. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика. Москва, 1994.
Gregor Schöllgen. Determinanten deutscher Identität. Das Nationalstaatsproblem im 19. und 20. Jahrhundert.// Historisches Jahrbuch ,Band 105. Boehm, 1985.
Der Spiegel, 1990-1993.
Le monde, 1990-1992.
Выборочное анкетирование студентов ВУЗов Германии и сотрудников института физики DESY, Гамбург.

«Сельское Сообщество» («Сельскохозяйственное колесо») и его роль в формировании популистского движения в США

Ефимов Андрей Владимирович

Аспирант

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

E-mail: andr-efimov@yandex.ru

Вторая половина XIX века ознаменовалась широким подъемом фермерского движения в США. Целый комплекс проблем, остававшихся актуальными после Гражданской войны, кризис 1873 года и монетаристская политика американской администрацией привели к появлению движений грейнджеров и гринбекеров, которые позже уступили место фермерским союзам и альянсам, сформировавшим почву для организации Народной партии США. В 1880-е годы в некоторых штатах появились крупные фермерские организации. Особенно известны организации Канзаса, Иллинойса, Нью-Йорка, Техаса и Арканзаса. Последний сыграл большую роль в становлении популистского движения США и образовании Южного фермерского альянса. Здесь в 1880-х годах возникли две фермерские организации, известные как «Братья Свободы» и «Сельское сообщество». Последнее было наиболее сильным, так как распространило свое влияние в соседние штаты и поглотило первую организацию. Позднее «Сельское сообщество» вошло в Южный фермерский альянс.

15 февраля 1882 года в округе Прерия возникло объединение фермеров Арканзаса, известное как «Сельское сообщество». Причины, которые привели к образованию этого фермерского ордена, а также программа организации были рассмотрены У.У. Тедфордом, который являлся одним из членов «Сообщества». Данные записи были проанализированы американским историком Н. Поллаком, который включил их в сборник документов *The Populist Mind*. Данный сборник представляет собой интересный источник для изучения популистского движения и, в частности, формирования фермерских союзов в ряде штатов.

Согласно записям У.У. Тедфорда, главной причиной, которая обусловила объединение фермеров Арканзаса, был произвол крупных монополий, фактически грабивших фермеров. Тедфорд пишет, что «монополии ... хотят купить весь Земной шар, а вместе с ним и все тела и души людей, которые населяют его». Члены организации сравнивают эти крупнейшие корпорации с тяжело излечимыми болезнями: фермеры страдают от монополий, как человек страдает от рака, корни которого пронизывают все тело.

Доказывая свои слова, Тедфорд описывает систему, при которой большинству фермеров приходится закладывать свое хозяйство. Современники называли ее «системой анаконды». Заложив имущество, фермер уже не может полноценно им распоряжаться. Рано или поздно, такого фермера могут осудить и отправить в исправительные учреждения.

Другой причиной, заставлявшей фермеров влезать в долги, были засухи. Одна из них случилась незадолго до образования «Сельского сообщества» и практически превратила в пустыню значительную часть Арканзаса.

Эти объективные и особенно субъективные причины и привели к объединению фермеров в «Сельское сообщество». Члены организации, обращаясь к монополистам, обещали: «всем, чьи руки и души запятнаны в этом подлом грехе, мы говорим ..., что ваше поведение привело к росту «Сельского сообщества», и где бы оно ни прокатилось, оно оставит вечный памятник о вашей безнравственности и будет свидетельствовать против вас». Здесь важно иметь в виду, что в оригинальном варианте название организации звучит как «*Agricultural Wheel*», и его дословный перевод – «Сельскохозяйственное колесо». Однако в отечественной историографической традиции общепринятым является перевод «Сельское сообщество»

Организация Арканзаса была тайной, однако в 1886 году она участвовала в местных выборах, и ее кандидат смог набрать 20 тысяч голосов избирателей. Годом ранее, в 1885, в состав «Сообщества» вошел орден «Братья свободы», а к 1887 году численность организации стала составлять почти полмиллиона человек, а ее влияние постепенно проникало в другие штаты. Так, местные представительные организации «Сообщества» существовали в штатах Алабама, Миссисипи, Техас, в 1886 году «Сельское сообщество» достигло штата Миссури, а в 1887 году организовало несколько локальных организаций в штатах Кентукки, Индиана, Висконсин. В 1886 году оформилось Национальное Сельское сообщество.

В 1887 году была сформулирована программа движения. Следует учесть, что многие требования «Сельского сообщества» находят отражение в программах других фермерских союзов, а позднее, когда организация войдет в состав Южного альянса, часть требований станут частью его политической платформы и в 1892 году найдет свое место в программе Народной партии США. Итак, члены «Сельского сообщества» декларировали, что «земля – это наследие людей, и она должны принадлежать только жителям», и нужно предпринимать меры для защиты этой земли от иностранных корпораций. Следует заметить, что эти требования были одними из первостепенных в программных документах фермерских альянсов и Народной партии.

Кроме того, члены «Сообщества» выступали за быстрое погашение общественных долгов путем чеканки большого количества золотых и серебряных денег монетными дворами, за отмену национальных банков и замену национальных банкнот обеспеченными деньгами. Эти обеспеченные деньги должны быть действительны при выполнении всех видов платежей, как частных, так и общественных. Фермеры требовали введения прогрессивного подоходного налога, считая его «самой оправданной системой налогообложения», запрещения ввоза иностранной рабочей силы и передачи всех видов транспорта в собственность народа и усовершенствования тарифной системы. Любопытно, что среди экономических требований нет ни одного упоминания о необходимости свободной и неограниченной чеканки серебра, несмотря на то, что для многих фермерских движений решение этой задачи стояло на первом месте.

Среди локальных предложений необходимо упомянуть необходимость защиты территорий, занятых индейскими племенами Chickasaws и Choctaws. Подчеркивается, что они должны обладать правами, равными с остальными гражданами.

Также «Сообщество» требует введения прямых выборов и декларирует необходимость поддержания качественной системы школьного образования.

Важно учесть, что «Сельское сообщество» принимало активное участие в кооперативной деятельности фермеров. Данная организация участвовала в учреждении специальных агентств, бирж и товарных хранилищ для помощи фермерам в различных штатах, а в 1887 году образовала биржу, которая по своему размаху могла сравниться даже с биржей Техасского фермерского альянса.

Но, несмотря на сильную базу данной фермерской организации, ее все-таки удалось включить в состав Южного альянса. Однако ее деятельность не осталась в прошлом, и, по мнению Теодора Салатоса, «Сельское сообщество» подготовило почву для формирования Южного альянса на территории долины реки Миссисипи.

Литература

Hicks J.D. The Populist Revolt. – Minneapolis, 1931

Saloutos T. Farmer Movement in the South, 1865 – 1933. Los Angeles, 1960

Scott R.V. The Agrarian Movement in Illinois, 1880 – 1896. – Urbana, 1962

The Populist Mind: Documents / Ed. by N. Pollack. – Indianapolis, 1967

Куропятник Г.П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии. – М., 1971

Образ врага в идеологии и практике Пангерманского союза

Жарков Сергей Алексеевич

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: Njvcr@yandex.ru

28 сентября 1890 года во Франкфурте-на-Майне собралась небольшая группа единомышленников во главе с известным коммерсантом Альфредом Гугенбергом, объединенных недовольством в отношении заключенного имперским правительством Германии Гельголандского договора, для создания Пангерманского союза. При возникновении «Аллдейче Фербант» большую роль сыграло обострение англо-германских противоречий (Пуховская, 2001).

Пангерманский союз солидаризировался с силами, которые выражали сходную им политическую позицию, для поддержания германизма вне зависимости от государственных границ, что являлось центральным пунктом программы Пангерманского союза. Так, в 1894 году на пангерманском съезде была разработана программа антипольской политики. Пангерманцы приняли активное участие в создании в Познани «Союза содействия германизму в Восточных марках», действие которого

было направлено на поддержку деятельности Колонизационной комиссии в Пруссии (Ерусалимский, 1951).

Пангерманский союз сыграл руководящую роль в проведении шовинистической пропаганды по осуждению законов Бадени—Гауча в Австро-Венгрии, поддержав своих австрийских пангерманских собратьев. Пангерманцы вступали в весьма близкие отношения с фламандскими националистическими организациями и их отношения были все более тесными вплоть до начала Первой мировой войны. (Kruck, 1954). Пангерманский союз вел яростную пропаганду «безграничных флотских планов», в чем поддерживал деятельность Флотского союза, даже тогда, когда правительство еще «открещивалось от флотских планов» (Class, 1903, S 25).

Конфликты с народами, проживающими на территориях, на которые претендовали пангерманцы, разрешались посредством использования расистских лозунгов. «Менее культурные» народы признавались нежизнеспособным балластом, в лучшем случае который необходимо ассимилировать, в худшем случае от которого нужно избавляться (Kruck, 1954).

За основу бралось формирование образа врага в виде этих народов. Так, в августе 1911 года в Берлине собрался конгресс чехов Германии. Всего несколько десятков из них были приезжими, но пангерманцы были этим сильно обеспокоены. Не довольствуясь газетной агитацией, лидеры пангерманцев обратились с петицией к прусскому министерству иностранных дел и к начальнику берлинской полиции с тем, чтоб не допустить наплыва вредных иностранцев. (Московские ведомости, 1911). Еще более ярко ксенофобия проявлялась в отношении пангерманцев к польскому элементу внутри Германии. Один из лидеров пангерманцев Генрих Класс писал, что «оправданное опытом недоверие к полякам — это первооснова польской политики германского правительства» (Class, 1903).

С еще большей ненавистью пангерманцы относились к своему главному врагу, который, как они считали, встал на пути развития Германии – Британской империи. Пангерманцы считали, что англо-германские противоречия являются постоянной константой, которые с наращиванием промышленной мощи Германии будут только усиливаться.

Таким образом, главным врагом у пангерманцев выступала Великобритания, мешавшая проводить Германии мировую политику, расширять свои колонии, обеспечивать землей избыток населения, вести мировую торговлю своими промышленными товарами. Также пангерманцы вели внутреннюю агитацию против своих сограждан другой национальности (поляков, евреев, датчан, эльзасцев), мешавших создавать национально-однородное государство уже одним своим проживанием на территории Германской империи. Пангерманцы принимали самое широкое участие в создании программ, уставов, пропагандистских техник, лозунгов, идеологических методик по борьбе с вражеским окружением.

Литература

- Ерусалимский Е. А. (1951) Внешняя политика и дипломатия Германского империализма в кон. XIX в. М., 1951.
 Московские ведомости (1911) 12 августа.
 Пуховская Е. Ю. (2001) Немецкая колониальная идея (кон. 70-х гг. XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2001.
 Class H. (1903) Die Bilanz des neuen Kurses. Berlin, 1903.
 Kruck G. (1954) Geschichte des Alldeutsche Verbandes. Wiesbaden, 1954.

Политика США в отношении Ирака в 1980-е гг.: «враг моего врага – мой друг»

Злотникова Анастасия Евгеньевна

Аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: a.zlotnikova@mail.ru

Война в Заливе (1990-1991), ставшая классическим образцом применения военной силы США в районах их «жизненно важных интересов», заложила основы длительного противостояния Багдада и Вашингтона. Однако истоки современных американо-иракских отношений следует искать еще ранее – в политике США в отношении Ирака в 1980-е гг. Ведь не будет большим преувеличением сказать, что Саддам Хусейн – проблема, созданная в немалой степени самими Соединенными Штатами (причем, как раз в тот период).

В результате революции в Иране и ввода советских сил в Афганистан оказалась нарушенной система обеспечения безопасности США в регионе Персидского залива, гарантами которой были шахский Иран и Саудовская Аравия. Отныне Ирак стал восприниматься в Вашингтоне как оплот политической стабильности и единственная страна, способная противостоять «новому» Тегерану. Национальные интересы США в Персидском заливе оказались объективно связаны с укреплением режима С. Хусейна: его непримиримая антиизраильская позиция и поддержка международного терроризма в представлении Вашингтона казались гораздо меньшим «злом» по сравнению с двумя угрозами – экспансии коммунизма путем советского военного вмешательства в дела региона и распространения Ираном радикального исламского фундаментализма.

Стратегия США заключалась в том, чтобы «сбалансировать» Иран Ираком. Перед Вашингтоном стояла задача столкнуть лбами эти два государства, между которыми имелись серьезные противоречия, а если они столкнутся сами, то не мешать им. На протяжении ирано-иракской войны политика США в отношении Ирака проводилась по принципу «враг моего врага – мой друг». Вашингтон был заинтересован в сотрудничестве с режимом Хусейна в первую очередь в связи с военно-стратегическими интересами, которые строились вокруг необходимости противостояния «взаимному врагу» – Ирану. Однако, вскоре стало ясно, что и торгово-экономическое взаимодействие обещало принести серьезные финансовые дивиденды.

Уже на первом этапе военных действий (к. 1980 – сер. 1982 гг.) Вашингтон стал оказывать поддержку Ираку на дипломатическом, экономическом и военном уровне. В 1981-1982 гг. возникла реальная перспектива скорой победы Ирана, и США на протяжении 1982-1985-х гг. активно проводили политику благоприятствования Ираку. Помощь Хусейну приобрела огромные масштабы и осуществлялась по многим направлениям: сотрудничество в военной сфере (снятие большинства ограничений на поставки товаров «двойного назначения» вслед за исключением из списка государств, поддерживающих терроризм, передача разведданных, поощрение третьих стран на продажу военных материалов и технологии в Ирак); интенсификация политических контактов, апогеем которых стало восстановление в 1984 году дипломатических отношений; оказание серьезной экономической помощи; энергетическая кооперация; отстаивание интересов Ирака на международном уровне (в Совете Безопасности ООН в частности) и т.д. Самое поразительное при этом состояло в том, что США оказывали поддержку Ираку, несмотря на разработки им оружия массового поражения, применение отравляющих газов против иранских войск, продолжающиеся связи с международными террористами. На третьем этапе (сер. 1986 – сер. 1988 гг.) США уже открыто вступили в конфронтацию с Тегераном и действовали в интересах Багдада с целью недопущения его поражения и заключения мирного договора на выгодных для него условиях.

Позиция Вашингтона в отношении Ирака в 1988-1990 гг. сводилась к тому, чтобы используя дипломатию и экономические и политические стимулы, превратить Хусейна в квазитоталитарного лидера в границах своего государства, который будет предсказуем во внешнеполитических делах. Определенная часть конгрессменов при поддержке средств массовой информации, напротив указывала на то, что Ирак становится фактором агрессии в регионе и настаивала на необходимости принятия жестких мер. Однако, вплоть до агрессии против Кувейта, официальный Вашингтон продолжал закрывать глаза на действия Хусейна, которые никак не соответствовали «умеренному курсу», и проводить политику своего рода «приручения» и «вскармливания» Ирака.

В итоге ситуация сложилась таким образом, что США и Ирак, которые хотя и имели общего врага, «друзьями» и союзниками в истинном смысле этого слова так и не стали. Напротив, оказалось, что враг моего врага стал и моим врагом. Причины неудач американской политики в отношении Ирака во многом были связаны с серьезными просчетами. Так Вашингтон нарушил принцип общности интересов и приблизительно равной выгоды от сотрудничества для обеих сторон – США не решили полностью поставленных задач, так как Ирак руководствовался исключительно собственными интересами, и получили значительно меньшие, нежели их «друг» выгоды. США пренебрегли и принципом пропорциональности – поддержка «друга» должна быть достаточной, чтобы ослабить взаимного врага, однако не настолько значительной, чтобы позволить «другу» получить военно-политические ресурсы для создания им самим угрозы сложившемуся балансу сил. США же на протяжении 1980-х гг. оказывали существенную военную поддержку Ираку. Не удалось выполнить и третье условие – «сдерживание», которое подразумевает осознание обоими «друзьями» тех неприемлемых действий, за которыми неизбежно последует наказание. Американская политика в отношении Ирака была такова, что Саддам не чувствовал со стороны Р. Рейгана, затем Дж. Буша реальную возможность применения «кнута» за нарушение установленных ими самими правил поведения и морально-этических норм и имел серьезные основания полагать, что США «проглотят» захват Кувейта.

Вместе с тем, существует еще одна, вполне правдоподобная версия событий, согласно которой Вашингтон сознательно не препятствовал втягиванию Багдада в оккупацию Кувейта. Вполне возможно, что заявление американского посла Э. Гласпи на встрече с Саддамом в конце июля 1990 г. о том, что США «не принимают чью-либо сторону в территориальных спорах», было хорошо продуманной провокацией. Вероятно, Дж.Буш, прикрываясь лозунгом «восстановления суверенитета Кувейта», стремился сокрушить режим Хусейна, обеспечить себе выгодные позиции в регионе и установить «новый мировой порядок». И если раньше США для реализации своих планов на международной арене нужны были лидеры, подобные Хусейну, то в новых исторических условиях Вашингтон решил не просто обойтись без него как возможного посредника, а даже вовлечь его в свою хитроумную игру. А развязкой в игре стала военная оккупация Ирака, которая ранее была немыслима для США.

Источники и литература

1. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. Пер. с англ. М., 2004
2. Friedman A. The Spider's Web: The Secret History of How the White House Illegally Armed Iraq. N.Y., 1993
3. Jentleson B. With Friends like these: Reagan Bush and Saddam, 1982-1990. N.Y., 1994
4. The Iraq War Reader. History, Opinions, Documents / Ed. by Ch. Cerf. N.Y., 2002.
5. The Saddam Hussein Sourcebook. Declassified Secrets from the U.S.-Iraq Relationship [Электронный ресурс] / The National Security Archive. Режим доступа: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/special/iraq/index.htm>

6. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol.125-138. Wash., D.C. 1979-1992.

Институт советских советников при Министерстве государственной безопасности ПНР (1944–1956 гг.): основные проблемы исследования

Ковалев Иван Николаевич

Магистрант

Варшавский университет, Варшава, Польша

E-mail: kowaliow@yahoo.pl

История зарождения и деятельности института советских советников при силовых и военных министерствах стран Восточной Европы является одной из актуальных проблем становления политических режимов советского типа в данном регионе. К сожалению, на данном этапе научной разработки исследователям проблематики не удалось в полной мере раскрыть цели, задачи и последствия деятельности советских советников при органах госбезопасности стран-сателлитов. Пролить свет на вышеуказанные вопросы помогают документы, приготовленные непосредственно самими советниками (информационные письма, донесения, отчеты, директивы), основной комплекс которых находится в недоступных на сегодняшний день российских архивах. Не смотря на такую источниковую ситуацию, в Российской Федерации и Польше данные вопросы уже неоднократно поднимались в публикациях специалистов Института Славяноведения РАН и Института Политических Исследований ПАН (Kozłowska-Dębicka, 2003; Носкова, 2005). В данной работе предпринята попытка на основе польских архивных материалов (Архив Новых Актов, Институт Национальной Памяти) и уже опубликованных источников проанализировать деятельность советских советников при министерстве госбезопасности Польши (пол. Ministerstwo Bezpieczeństwa Publicznego) с момента учреждения института до его упадка и упразднения (1944 – 1956 гг.).

Активное насыщение структур госбезопасности стран-сателлитов советскими советниками началось с 1949 года (Носкова, 2005, с. 112). Исключением являлась лишь Польша, где советские сотрудники в силовых структурах появились уже в 1944 г. и составили значительную численность кадрового командования (Terlecki, 2007, s. 36). На наш взгляд, именно они являлись подлинными создателями польской «безопасности». Становление института советников при основных министерствах Польши, несомненно, исходило из заинтересованности обеих сторон. С одной стороны, после июля 1944 г. к власти приходит еще не окрепший и не до конца сформированный аппарат Польской Рабочей Партии, который ранее не участвовал в управлении государством и, следовательно, нуждался в помощи извне. С другой стороны, бросается во внимание интерес советского руководства к институту советников как к одному из важнейших инструментов контроля и распространения сталинской модели социализма на столь важный регион с ярко выраженными антикоммунистическими тенденциями общественности, активно действующим подпольем и политической оппозицией.

С самого начала строительства «народной Польши» польским коммунистам отводилась лишь роль проводников «решений» кремлевской элиты. Особого выбора среди союзников, а тем более возможности построения своего варианта «социалистической» системы (как показали позже события 1948–1953 гг.), у них не было. В то же время, в доступных нам материалах можно найти множество примеров «приглашения» советских сотрудников и советников на работу в польские органы. Из изучения этих документов следует, что если в период построения и укрепления «народной власти» (1944–1948 гг.) инициаторами запроса специалистов были главным

образом советские служащие в Польше (просьба главы представительства СНК при ПКНО Н. Булганина и руководителя советской контрразведки В. С. Абакумова прислать 15 советников из НКВД и НКГБ СССР, датируемая 31 августа 1944 г., Директива ГКО СССР № 7558 от 20 февраля 1945 г.) (Archiwum), то в 1949–1956 гг. инициатива исходила непосредственно от польской правящей верхушки (Dokumenty, 2000, s. 164; Kozłowska-Dębicka, 2003, s. 119). Степень самостоятельности подобных шагов до сих пор не может быть исследована полностью.

Окончательный переход к советизации государственной модели Польши был осуществлен после московской конференции руководителей стран «народной демократии» (январь 1951 г.). С этого периода отмечается значительное увеличение советских сотрудников в органах госбезопасности и расширение их компетенций (Skrzypek, 2002, s. 295).

Советников «приглашали» по отработанной схеме при посредничестве советского посла. Параллельно с иерархией польской номенклатуры возникла и четко структурированная лестница советников, своеобразное государство в государстве, подчиняющееся непосредственно Москве. Отношения между советниками и аппаратчиками страны, их функции и компетенции были изложены в выше перечисленных инструкциях. Отметим, что в период сталинизации, нарастания террора и внутрипартийной борьбы советники принимали активное участие в элиминации неугодных деятелей польской номенклатуры (например, Владислава Гомулки) (Dokumenty, 2000, s. 35, 117). Польская верхушка в свою очередь неоднократно использовала контакты с советниками для передачи в Москву «единственно верных материалов» о ситуации в стране и компрометирующих материалов на «партийных товарищей» (Носкова, с. 123).

Чрезмерное ангажирование советских советников при МГБ Польши во внутривнутриполитическую жизнь государства с каждым разом порождало все большее сопротивление местных элит. Возросшее недоверие к советникам, совпавшее со смертью Сталина и активизацией внутривнутриполитической борьбы, нередко исходило из непрофессионального подхода, демонстрации диктата и абсолютизации советского опыта, а также привилегированного положения советников за счет принимающей стороны (Kozłowska-Dębicka, 2003, s. 119).

Проведенный анализ проблематики показал, что советское руководство в разные периоды строительства «народной демократии» в Польше возлагало на институт советников разные функции, ставило перед ними различные цели и задания. Если в 1944–1948 гг. главные цели советников виделись в наборе и обучении квалифицированных кадров МГБ, передаче опыта работы советских органов и политической работы с персоналом, то в период заострения курса и сталинизации (1948–1956 гг.) структуры советников институционализировались, приобрели форму иерархической машины воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в стране, трансформировались в структуру зависимости Польши от СССР и т.д. Превращение их в заместителей и представителей генеральной линии Кремля повлекли за собой снижение роли их деятельности и ликвидации этого института за ненадобностью.

Литература

Директива ГКО СССР № 7558 от 20 февраля 1945 г. // Archiwum Akt Nowych, zespol Ministerstwa Ziemi Odzyskanych, sygn. 61, k. 8-12.

Носкова А. Ф., Мурашко Г. П. (2005) Институт советских советников в Восточной Европе в 40-50 годы XX в. // В сб.: СССР – Польша 1945–1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М.: Институт российской истории РАН, Институт истории ПАН.

- Dokumenty do dziejów PRL. Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich 1949–1953 (2000). Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN.
- Kozłowska-Dębicka H. (2003) Stalinowscy doradcy w Polsce // *Dziś*, № 2, s. 117-120.
- Skrzypek A. (2002) Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. A. Gieysztora.
- Terlecki R. (2007) Miecz i tarcza komunizmu. Historia aparatu bezpieczeństwa w Polsce 1944 – 1990. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Приданое как основной вид женской собственности в Византии в XI – XV вв.

*Козут Екатерина Викторовна*¹

Студентка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nikia@mail.ru

Актуальность исследования связана с повышением в обществе интереса к истории Византии, и развитием гендерной истории. Объектом изучения стали формы собственности в Византии, предметом исследования – формы женской собственности. В работе преследуется цель рассмотреть эволюцию правового статуса женского приданого как основной формы женской собственности. Источниками работы стали частноправовые акты архивов афонских монастырей. Хронологические рамки исследования: XI – XV вв., территориальные границы охватывают территорию Византийской империи в этот период. Используются методы исторический, логический, герменевтики, историко-сравнительный, историко-типологический, источниковедческого анализа и формулярного анализа. Практическое значение работы усиливается тем, что средневековая Русь в духовном плане ориентировалась на Византию.

Женщина в Византии в имущественном плане была вполне полноценным членом общества. Основным типом женской собственности было приданое. От размеров ее приданого во многом зависело положение женщины в семье. Приданое считалось неотчуждаемой собственностью в принципе. Это объясняется тем, что приданое вместе с предбрачным даром являлось основным капиталом новой нуклеарной семьи, образованной в результате заключения брачного союза. Однако этот вопрос обсуждался в юридических трактатах, споры по использованию приданого зафиксированы в судебных источниках (Saradi, 1998, p. 72). Благодаря неотчуждаемости приданого, оно являлось резервной собственностью и предназначалось для обеспечения нормальной (без крайней нищеты) жизни семьи. Если женщина умирала, то судом приданое, как правило, отдавалось ее детям. Наследниками второй очереди являлись родители, третьей – братья, сестры, далее им мог пользоваться вдовец в том случае, если собственность принадлежала несовершеннолетним детям от этого брака. Неотчуждаемость приданого во многом была защитой от кредиторов мужа. Приданое могло быть продано только, если это было необходимо для выживания семьи.

Приданое могло включать в себя землю, дома, деньги, драгоценности, рабов, животных, и др. Муж составлял список вещей, входящих в состав приданого, и оценивал их. В «Синтагме» Властаря сказано: «оцененное приданое передается на страх мужа: если погибнут животные и если жена износит одежду, он дает цену их; а приумножение и уменьшение приданого не оцененно касается жены. Она получает поколение рабов своих, а плоды и приплод скота получает муж» (Властарь, 1892, с. 385).

¹ Автор выражает признательность доценту, к.и.н. Шукурову Р. М. за помощь в подготовке тезисов.

Женщина могла предъявить иск мужу в суд по поводу плохого управления ее приданым, ведь именно он им распоряжался в течение их семейной жизни. К XIV в. женщина все чаще и чаще сама управляла своим приданым. Ведь еще в IX в. жена получила право на специальный иск для защиты своих прав на приданое. Сборник постановлений судьи XI в. Е. Романа «Пира» сообщает примеры его подачи. Так, в одном случае жена должника предъявила иск кредитору, которому ее муж передал в залог имение, а в другом – мужу, продавшему ее приданое, в третьем случае женщина обвинила мужа в невыгодной продаже приданого, предъявив иск к лицам, заключившим сделку (Липшиц, 1981, с. 127, 128, 136). Это говорит о достаточно высокой степени экономической самостоятельности женщины по отношению к использованию прав владения и распоряжения приданым.

Изучая «Пиру», Кравари пришла к выводу, что в Византии применение закона, рассматривающего отчуждаемость приданого было очень гибким, и Юстиниановское постановление не имело силы на практике (Kravari, 1992, p. 77 – 88). Отчуждаемость приданого была возможна только при условии согласия женщины. Как правило, ограничивались инвестиции приданого в рискованные предприятия, в целом не исключая возможность надежных вложений. Известны и случаи продажи приданого, чаще всего, монастырям, но обычно это происходило только после решения суда (Laiou, 1981, p. 238) и только в исключительных обстоятельствах, когда иначе семья могла оказаться на грани вымирания. Законодательство на протяжении всей византийской истории по вопросу об отчуждаемости приданого женщины оставалось жестким.

Достаточно свободно распоряжение женщиной собственностью-приданым видно из продаж и дарений монастырям. Относительно вопросов собственности в семье среди актов Лавры есть интересный пример. Мария, дочь пансеваста Димитрия Спартеноса и вторая супруга Михаила Дуки Ангеладарит подарила монастырю владение Святая Мария (Αγία Μαρία) в знак памяти своего мужа (Actes du Lavra, 1979, p. 138-141). Из документа можно сделать ряд выводов. Во-первых, видимо, первая жена Михаила Дуки Ангела получила наследство в виде приданого от своего отца севаста Фармакеса. Однако, во-вторых, ее приданое было поделено между ее родственниками. В данном случае, между матерью и мужем. Интересно, что приданое дочери достается и матери-вдове, которая также является полной его собственностью, она может ей распоряжаться. В-третьих, интересно то, что, даже став собственностью мужа, свободно передаваемой по наследству, оно по-прежнему называется приданым его жены (в нашем случае третья часть приданого). Это, возможно, объясняется высоким положением отца первой жены севаста Фармакеса. В-четвертых, именно вдова дарует землю Лавре, т. е. распоряжается собственностью, доставшейся ей от мужа.

По данным Лайу, в XII в., актов, в которых женщины являлись одой из участвующих сторон, – 11 %, для XIII в. – 32 %, для XIV в. – 16 %, а для XV в. – 17 %, при этом доля когда, речь шла о приданом соответственно 14%, 5%, 16%, 44% (Laiou, 1981, p. 239). На первый взгляд, довольно удивительно, что настолько мал процент упоминания о приданом среди актов, в которых упоминаются женщины, особенно, зная, что приданое – основной тип женской собственности. Этому можно найти два возможных объяснения. Во-первых, не упоминание собственности – приданого связано с желанием избежать возможных юридических трудностей при заключении сделки. Во-вторых, среди этих случаев много тех, в которых речь идет о собственности аристократов, вернее, аристократок, поэтому это могла быть именно полноценная собственность, а не собственность-приданое.

Итак, неотчуждаемость приданого ограничивала экономическую активность женщины, но мы видим примеры вложения приданого, в торговлю, что свидетельствует о том, что приданое становилось все более ликвидным на практике. Это стало одной из

характерных черт положения византийской женщины в Палеологовский период. Выводы должны способствовать дальнейшей разработке проблем гендерной истории.

Литература

1. Властарь Матфей (1892). Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М.
2. Липшиц Е. Э. (1981) Законодательство и юриспруденция в Византии в IX — XI вв. Л.: Наука.
3. Actes du Lavra (1979)/ ed. P. Lemerle. V. III. Paris.
4. Kravari V. (1992) Les actes privés des monastères de l' Athos et l' unité du patrimonial familial // Elherecht und Familiengut in Atike und Mitterlatter. Munich.
5. Laiou A. E. (1981) The role of women in Byzantine society // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress Akten 1/1= Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik 31/1.
6. Saradi. H. (1998) The alienation of the dowry in the acts of Byzantine notaries// Византийский временник. Т. 55. Ч. 2. М.: Наука.

Сикхская община Панджаба в 40– первой половине 50–х гг. XIX в.: основные черты эволюции вероучения и повседневной жизни

Костылева Елена Владимировна

Студент

*Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина, Москва,
Россия*

E-mail: kostyleva.lena@gmail.com

После смерти махараджи Ранджит Сингха (1799–1839) в истории сикхского государства наступил период политической нестабильности. За период 1839–1845 гг. в Лахорском государстве сменилось четыре махараджи. В жестокой борьбе за власть между влиятельными сикхскими сардарами погибли крупнейшие военачальники, на политическую арену выступила армия. Слабые преемники Ранджит Сингха не смогли защитить интересы государства во внешней политике. В результате двух англо–сикхских войн 1845–1846 гг. и 1848–1849 гг. сикхское государство потеряло самостоятельность. После аннексии Панджаба началось преобразование его в отдельную провинцию Британской Индии.

В этой сложной обстановке чувства неприятия и сопротивления захватчикам, мечты о восстановлении сикхской государственности реализуются в идеях религиозного реформаторства. После аннексии Панджаба произошли первые выступления секты *намдхари* (*куки*), которая подобно другой сикхской секте – *ниранкари*, проповедовала возвращение к первоначальному сикхизму с его строгими обычаями и демократизмом. Сикхское возрождение началось реформаторскими движениями *намдхари* и *ниранкари* и завершилось успехом ортодоксального направления, выразившимся в деятельности сикхских обществ Сингх Сабха в 1870–х гг.

Для сикхских мыслителей и практических деятелей середины XIX века стал очевидным отход от учения сикхский гуру и преобладание индуистского влияния в доктрине, ритуале, повседневной бытовой практике. Они понимали необходимость приведения норм повседневной жизни сикхов в соответствие с основами вероучения. Сикхизм признает существование единого Бога, Создателя Вселенной, и никаких других богов. В сикхской традиции сложился особый кодекс поведения сикха (*рахат*) – «пять К»: кеш (не стричь бороду и волосы), качха (носить короткие кожаные шаровары), кангха (волосы под тюрбаном закреплять гребнем), кирпан (всегда иметь при себе меч), кара (носить железный браслет). Для Панджаба периода сикхской государственности было характерно, что люди разных религий поклоняются одним и тем же святым,

почитают их гробницы и реликвии. Эти особенности сикхского культа современники называли Санатан сикхизм. Санатан сикхи считали, что всякий, кто принял учение гуру Нанака, – сикх. Требования инициации, следования правилу и выполнения кодекса рахат не важны. Как свидетельствуют описания сикхской жизни, сделанные европейскими очевидцами, Санатан сикхи следовали индуистским обычаям в исполнении обрядов жизненного цикла, праздновании сезонных праздников. Сикхские гуру отвергали необходимость в посредниках между Богом и людьми, настаивали на том, что паломничества не приносят заслуг. Однако сикхи Панджаба, как и местные индусы или мусульмане, почитали святых и совершали паломничества к их часовням и гробницам. Наиболее почитаемыми среди них был *пир* Сакхи Сарвар, был распространен и культ раджпутского святого Гуга–пира. Почитали сикхи и богиню Деви под разными ее именами. Богиня Деви также являет себя в облике богинь–матерей, таких как Шитала Деви (Мата), богиня оспы, которая пользовалась особым почитанием панджабцев. В среде земледельческой касты джатов, составляющих основу сикхской общины, было широко распространено почитание *бхумия*, духа земли, на которой стоит деревня. *Бхумия* защищает жителей, участвует в обрядах жизненного цикла и сельскохозяйственного года, особенно во время сева и сбора урожая.

Не только простые крестьяне, но даже махараджа Ранджит Сингх и многие его приближенные поклонялись Богине–Матери, не видя противоречий в своем мировоззрении и поведении, так как они были носителями индийского средневекового религиозного сознания, для которого был характерен религиозный синкретизм: например, можно быть сикхом и поклоняться индуистским богам. Новое сознание, основанное на логике исключения или–или, стало утверждаться вскоре после аннексии Панджаба, когда при англичанах начали формироваться европейские институты власти и получила распространение европейская наука. Во многом кристаллизации представлений об отдельности сикхской общины способствовали участие в выборах, служба в армии, перепись населения, христианская миссионерская деятельность.

В начале 40–х гг. XIX в. *намдхари* призывали не только к религиозному возрождению сикхов, но стали играть большую роль в политической жизни страны. Баба Рам Сингх (1815–1885), впоследствии возглавивший секту, служил в армии до первой англо–сикхской войны. Он и его последователи проповедовали среди солдат не только необходимость возрождения первоначального сикхизма, но и требовали от сикхских сардаров отказа от богатства и возвращения к скромному образу жизни. «Намдхари» означает «несущие божественное имя «нам»». Так стали называть себя последователи Рам Сингха. Оставив военную службу, Рам Сингх поселился в Бхайни (дистрикт Лудхьяна), где открыл лавку–мастерскую и кухню–*лангар*, где и стал проповедовать. Рам Сингх критиковал британскую власть как незаконную, осуждал безнравственность *махантов* – хранителей *гурдвар*, не допускавших неприкасаемых в храмы. Наследственных *пуджари*, *гьяни* и *грантхи*, которые совершали сикхские обряды, читали текст священной книги Ади Грантх и учили сикхов шрифту *гурмукхи*, он обвинял в своекорыстии, т.к. они выполняли свои обязанности только значительную мзду.

Ниранкари, как называли себя последователи проповедника Дайал Даса, призывали сикхов вернуться к изначальному учению гуру Нанака. Баба Дайал Дас (1783–1855) проповедовал отказа от предрассудков и обычаев, заимствованных у индусов. Он отвергал кремацию и призывал тела умерших опускать в воду, предписывал устраивать поминки с угощением как способ разделения скорби родных усопшего, осуждал шумные свадьбы, пляски и громкую музыку сикхов. Он призывал своих последователей вести скромный образ жизни, избегать излишеств, критиковал веру индусов в счастливые и неблагоприятные дни. Вопреки индусским нормам. Баба Дайал Дас назначил собственную свадьбу на время, наиболее неблагоприятное с точки зрения астрологов. Брахманы отказались совершать церемонию обвода жениха и невесты

вокруг священного огня, и тогда Дайал Дас предложил простую форму сикхской свадьбы, названную им «Ананд Бьях» («счастливая свадьба»). Свадебная церемония состояла из поклонения священной книге Ади Грантх, исполнения гимна–*ардаса* и обхода молодыми Священного Писания сикхов. Впоследствии этот ритуал стал законом для сикхов. Дайал Дас также призывал сикхов при вступлении в брак игнорировать кастовые предписания и отказываться от приданого.

Литература

1. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. (1996) М.: Республика.
2. Успенская Е.Н., Котин И.Ю. (2007) Сикхизм. СПб.: Азбука–классика; Петербургское Востоковедение.
3. Хохлова Л.В. (2000) Сикхская брачная церемония: ритуал и ритуальный текст. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, №3.
4. Harjot Oberoi. Popular Saints, Goddesses, and Village Sacred Sites: Rereading Sikh Experience in the Nineteenth Century // History of Religions, Vol. 31, №4, Sikh Studies (May, 1992), pp. 363–384.

Изменение представлений о королевской семье, ее роли и месте в политике Великобритании в 1901–1917 гг.

Мельников Максим Сергеевич

Магистрант

Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоград, Россия

Целью данной статьи является возможность показать изменения роли монарха и членов Королевской семьи в британском обществе в начале XX века в сравнении с другими монархическими династиями Европы, а также британской королевской семьи в предыдущие времена.

Источниками по данному вопросу служат в первую очередь некоторые протоколы британского Парламента, важное место также занимает и продвижение Парламентского Акта и билля о гомруле в Ирландии, который принимался с 1911 и вплоть до окончания войны, что затягивало конституционный кризис монархии. Еще одна группа источников по данной теме – это многочисленные мемуары и воспоминания как членов Королевской семьи, так и известных государственных деятелей, придворных, некоторых общественных деятелей, записи простых подданных. К важным источникам по изучаемой проблематике можно отнести и прессу изучаемого периода, в которой нашли отражение те политические и общественные нужды, которые британское общество связывало со своим сувереном. Отметим также в качестве источников записи дипломатов, находившихся в Соединенном королевстве, дневники зарубежных родственников Ганноверской династии.

Историография вопроса менее обширна. В основном проблема влияния британской Королевской семьи на внутреннюю и внешнюю политику государства отражена в английской исторической школе (К. Хибберт, К.Роуз, Дж. Макдоно, Р.Батлер, Д. Дилкс, Л. Эдель, К. Янг). В отечественной историографии подробный анализ изучаемой проблемы нам не встретился.

В статье мы затронули весьма сложный и противоречивый период английской истории с 1901 по 1917 года. В традиционной британской историографии он называется эдвардианской эпохой (по имени короля Эдуарда VII, сына королевы Виктории). Многие исследователи (Р. Батлер, Л. Эдель) считают, что в этот период Великобритания начинает слабеть и терять свой политический авторитет, и это связано прежде всего с правящей Ганноверской династией, представленной в начале XX века королями Эдуардом VII и Георгом V. Выбранные хронологические рамки не случайны: в 1901

году умирает королева Виктория, начинается правление Эдуарда VII, а в 1917 году, при Георге V Ганноверская династия прекращает свое существование в Великобритании, и превращается в Виндзорскую династию.

Внутренние и внешние вызовы, стоящие перед Соединенным Королевством в начале XX века, отразились и на роли монарха, и на членах его семьи. Конституционный кризис, борьба между палатами Парламента, королевские prerogatives, и посягательство на них стали отправной точкой процесса изменения представлений о монаршей семье, и ее статусе в британском обществе. Балансирование между разными политическими группами (от унионистов и тори до радикалов и республиканцев) внутри страны, и за рубежом (от вопросов союзнического долга с Францией и Россией, до «профсоюза королей») не могли удовлетворить ни одну из политических группировок внутри страны. Принимая то или иное решение, монарх находил поддержку у одной части своих подданных, и терял ее у другой части. Изменения, произошедшие в английской конституционной монархии в начале XX века, были не возможны в царствование королевы Виктории, а некоторые идеи о роли монарха в обществе, выдвинутые Георгом V, были столь революционные, что были воплощены в жизни уже во второй половине XX века.

Отметим влияние важнейших процессов, связанных с усилением борьбы за суверенитет Ирландии и Индии, на саму роль монархии. Требования укрепления Британской империи именно через монархические институты ставило вопрос и об изменении роли правящего семейства не только по отношению к своим подданным в метрополии, но и к созданию нового образа английского короля, отличного от прочих монархов Европы, наделению его, некоторыми новыми чертами и обязанностями, которые в предыдущий период отсутствовали. Важно сказать, что английские консервативные историки вообще отвергали существование колониализма в Британской политике, либералы, как правило, придерживались точки зрения «просветительского миссионерства». Так или иначе, краеугольным камнем обоих точек зрения был в первую очередь монарх.

Мы приходим к выводу, что окончательно оформившаяся в начале XX века, система правления конституционного монарха, существенно отличалась от правления королевы Виктории, от тех конституционных форм правления, которые практиковались в континентальной Европе, что в итоге удержало британское общество от угрозы серьезных революционных потрясений, однако и существенно изменило представления о монархе.

Литература

- Вильгельм II (2003) Воспоминания. М.
 Ллойд Джордж, Д. (2004) Военные мемуары. Минск.
 Мэнсдорф К.А. (2007) Записки о Сент-Джеймском дворе. Спб.
 Роуз, К. (2005) Георг V. М.
 Туполев, Б.Н. (1999) Англо-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.
 Bruun G. (1978), «European civilization and the First World War»
 Colton, J. (1997) A History of the Modern World. London.
 Falls C. (2002), «British military forces and Foreign Office», London.
 Gooch G. P. (1958), "British Documents on the Origins of the War, 1898-1914" Bristol.
 Sandringham, P. (1951) The Letters. London.
 Woltson, J. (1965.) The First World War. New York.
www.royal.gov.uk
dic.academic.ru

**Деятельность Партии европейских социалистов
в сфере военно-политической интеграции Европейского союза (1999-2004 гг.)**

Михалёв Иван Олегович

Аспирант

Томский государственный университет, Исторический факультет, Томск, Россия

E-mail: vellan@rambler.ru

В период 1999-2004, произошло расширение и углубление военно-политической интеграции в рамках Европейского Союза (сходные процессы происходили и в НАТО), что, в свою очередь, привело к появлению перспектив изменения баланса сил на мировой арене. Что стало причиной такого развития событий?

Одну из важных ролей, на наш взгляд, сыграли социалистические партии стран ЕС. С последней трети 90-х годов прошлого века они стояли у руля большинства европейских стран. Курс на формирование общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ) ЕС, взятый ими в Амстердаме (1997 г.), получил в рассматриваемый период последовательное продолжение.

Ведущая роль в модернизации взаимодействия левых сил в рамках ОВППБ ЕС в 1999-2004 гг. принадлежит Партии европейских социалистов, представляющей национальные социалистические партии на уровне ЕС. Она выступила объединяющей силой, позволившей избежать фундаментальных разногласий по вопросу военно-политических аспектов европейской интеграции в программах партий-членов ПЕС.

Идеи европейских социалистов в полной мере отражаются в ряде документов рассматриваемого периода. Первым из них стал доклад «Новые измерения безопасности» (март 2001 г.). В нём выдвигается идея о трёх типах безопасности: общей, устойчивой и демократической, подчёркивается необходимость совместного контроля за вооружениями и создания сил для выполнения гуманитарных миссий. Ещё одной важной идеей доклада стало предложение о разграничении сфер деятельности между ЕС, ОБСЕ, ООН и НАТО (PES Group, 2001).

После событий 11 сентября 2001 г. евросоциалисты выделили ещё одно направление в рамках ОВППБ – борьбу с терроризмом. Инициатива США в этой сфере была активно поддержана. В 2002 г. был опубликован меморандум ПЕС «Борьба против терроризма» в котором ставится ряд экономических, дипломатических и социальных задач на кратко-, средне- и долгосрочную перспективы борьбы с террором. Некоторые меры, предлагаемые в данном документе, были реализованы в будущем (PES Group, 2002).

В июле 2002 года появляется документ под названием “Успешное соглашение по будущему Европы: наши первоочередные цели”. Этот документ, помимо разделов связанных с экономикой, социальным и политическим развитием, освещает и аспекты, связанные с ОВППБ. Главные задачи, представленные в этом документе, также как и в других, связаны с увеличением роли ЕС на мировой арене, для чего требуется выработка единой позиции (PES Group, 2002).

В январе 2003 года увидел свет меморандум по Ираку парламентской группы ПЕС. В этом меморандуме содержится призыв к ООН провести урегулирование мирным путём. В тексте выражено возражение против односторонних действий, что связано с подготовкой США к войне (PES Group, 2003).

Последний из рассматриваемых нами документов – меморандум “Общая безопасность в меняющемся глобальном контексте”. В нём рассматривается ряд аспектов обеспечения безопасности от повышения эффективности существующих мер до создания новых рычагов стабилизации. В документе констатируются успехи развития ОВППБ ЕС, которые, как отмечается, требуют дальнейшего и более эффективного

развития. Меморандум подвёл итоги и обозначил перспективы евростроительства в военно-политической сфере (PES Group, 2004).

Назначение в 1999 г. испанского социалиста Хавьера Соланы на пост генерального секретаря Совета Европейского союза и на должности Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности и генерального секретаря Западноевропейского союза стало важным достижением европейских социалистов. Эти позволило им получить рычаги власти в созданных в Амстердаме структурах.

20 ноября 2000 г. состоялась “Конференция по обязательствам о вооруженных силах” где были названы контингенты, которые страны ЕС выделяют в состав европейских войск. В конце этого же года в Ницце Совет ЕС принял решение о создании постоянных политических и военных структур – Комитета по вопросам политики и безопасности, Военного комитета и Военного штаба.

После террористических атак на территории США 11 сентября 2001 года ЕС поддержал новую американскую политику по борьбе с терроризмом, как на уровне союза, так и на уровне отдельных стран. В боевых действиях в Афганистане активное участие приняли Германия, Франция и Великобритания. При этом важно отметить, что ни ФРГ, ни Франция не приняли участия в Иракской войне, что демонстрирует самостоятельность этих стран в принятии такого рода решений и является важным этапом в развитии военно-политической независимости ЕС.

Важным политическим событием явилось принятие в 2001 году Ниццкого договора, который обеспечил правовую основу для дальнейшего поступательного развития ОВППБ ЕС.

Главным показателем такого развития стало активное участие ЕС и его военных формирований в различных операциях, начало которым было положено с момента вступления в силу Ниццкого Договора в 2003 г.: Миссия Европейской полиции в Боснии и Герцеговине, ЕВРОФОР “Конкордия” (Македония), операция “Артемис” (ДР Конго).

Последняя операция проводилась в соответствии с решением Советом Безопасности ООН - декларация 1484 от 30 мая 2003. Миссия закончилась 1 сентября 2003 и имеет особое значение, поскольку она была реализована без помощи НАТО. Основные силы для проведения операции выделила Франция, которая и возглавила её.

Таким образом, можно говорить, что в период 1999-2004 гг. политика, реализуемая европейскими социалистами, позволила добиться важных результатов в сфере построения механизмов ОВППБ ЕС, а также в их практическом применении. Одно из отражений этого прогресса - переход к большей самостоятельности в принятии решений в сферах безопасности, обороны и внешней политики.

Литература

- PES Group (2001). *New dimensions of security: The Common Foreign Security Policy of the European Union*. Retrieved January 26, 2009, from http://www.socialistgroup.org/gpes/media/documents/13903_13903_commonforeignsecuritypolicy_intro_baron_en_021009.PDF
- PES Group (2002). *A successful Convention on the Future of Europe: Our essentials*. Retrieved January 26, 2009, from http://www.socialistgroup.eu/gpes/media/documents/13931_13931_convention_future_europe_en_020704.PDF
- PES Group (2002). *The fight against terrorism*. Retrieved January 26, 2009, from http://www.socialistgroup.org/gpes/media/documents/13995_13995_terrorism_brochure_en_020911.pdf
- PES Group (2003). *Position paper on Iraq - 15th january 2003*. Retrieved January 26, 2009, from http://www.socialistgroup.org/gpes/media/documents/13939_13939_iraq_en_030115.PDF

PES Group (2004). *Common Security in a changing global context*. Retrieved January 26, 2009, from http://www.socialistgroup.eu/gpes/media/documents/13963_3963_common_security_en_040303_200433_850.pdf

Иностранцы добровольцы в армии Франко в Гражданской войне в Испании (1936–1939)

Наумов Александр Олегович

Научный сотрудник, к.и.н.

Институт проблем международной безопасности РАН, Москва, Россия

E-mail: anaoumov@mail.ru

Гражданская война в Испании (1936–1939) является одним из самых животрепещущих международных событий второй половины 30-х годов XX века. В отечественной литературе неплохо изучена история испанского конфликта, существует ряд серьезных работ, освещающих международный резонанс событий на Пиренейском полуострове. То же касается и проблемы иностранного вмешательства в испанский конфликт. О роли советских специалистов и интернациональных бригад в борьбе с националистической армией написано немало трудов; в меньшей степени это касается вопроса военной интервенции Италии, Германии и Португалии на стороне генерала Франко. Однако в истории гражданской войны в Испании в отечественной историографии существует одно «белое пятно».

Речь идет о роли иностранных добровольцев, воевавших на стороне националистов. Всего в армии генерала Ф. Франко воевало около 1500 волонтеров из самых разных европейских стран. Это были люди различного социального происхождения и идеологических убеждений. Однако общим было стремление сокрушить «красную» Испанскую республику, не дав коммунизму распространиться по Западной Европе. Многие были убежденными католиками и приехали в Испанию для защиты устоев католической веры. Другие, будучи фашистами, прибыли на Пиренейский полуостров бороться против коммунистов и социалистов, которые, по их мнению, уничтожали традиции Европы. Добровольцы из числа православных стран объединились с католиками для «крестового похода» против «безбожников-марксистов» в защиту «христианской цивилизации». В большинстве своем волонтеров объединял и антисемитизм. Всех их привлекал жесткий стиль управления страной генерала Франко, в котором они видели главного борца с «иудо-большевизмом».

Наиболее известная и многочисленная группа добровольцев, воевавших на стороне Франко, прибыла из Ирландии. В первой половине 1930-х годов ирландским фашистам (Национальная корпоративная партия, или «голубые рубашки») во главе с генералом Э. О’Даффи так и не удалось захватить власть на родине; именно поэтому всю свою активность их лидер переключил на международную арену. Ирландцы составили отдельный батальон (бригаду) численностью примерно в 700 человек в рядах Испанского иностранного легиона. На стороне франкистов воевали также добровольцы из Франции (сторонники «Аксон Франсез», «Огненных крестов» и «Народной французской партии»), Румынии (члены «Железной гвардии») и других европейских стран. В рядах националистической армии сражались и около 100 русских добровольцев из белоэмигрантского Русского Обще-Воинского Союза.

Однозначно определить роль добровольцев, воевавших на стороне националистов, представляется многотрудной задачей. С одной стороны, участие иностранных волонтеров на стороне Франко являлось ярким свидетельством «европейской солидарности» в борьбе с «красной угрозой», что вполне устраивало каудильо и его покровителей в Риме и Берлине. Весь мир видел, что его «крестовый поход» против

«международного коммунизма» находит отклик в разных уголках Европы. Акцентируя внимание на таких добровольцах, Франко старался отвести удар критики от той помощи (несравнимо более масштабной), которую ему оказывали Германия, Португалия и, особенно, Италия.

С другой стороны, Франко надеялся получить и вполне реальную военную силу в лице иностранных добровольцев, в первую очередь со стороны Ирландской бригады. Когда же стало ясно, что большинство добровольцев (особенно, ирландцы и французы) попросту не умеют воевать, Франко, сам будучи солдатом, больше не видел надобности в их присутствии на Пиренеях.

Тем не менее, иностранные добровольцы внесли свой «вклад» в историю. Генерал Франко использовал их для победы в гражданской войне, а державы «оси» – для дестабилизации и расшатывания ситуации на европейском континенте, что в конечном итоге привело к началу Второй мировой войны – самой разрушительной войны в истории человечества.

Литература

- Hoover Archives IDCSUZ68020-A, Stanford University. Anton Nikolai Shinkarenko I Vsevolodovich, Typescript Memoirs (TSM), 7 pamphlet boxes. Part 4, Chapter 4.
O'Duffy E. Crusade in Spain. L., 1938.
Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939. Сан-Франциско, 1983.
Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. London, 1994.
Keene J. Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during the Spanish Civil War, 1936-1939. N.Y., 2001.
Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007.

Rex aut sacerdos?

К вопросу о характере папской власти в конце XV – начале XVI вв.

Панфилова Мария Валерьевна

Студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ovring@mail.ru

На протяжении всей своей долгой истории папство функционировало (и функционирует по сей день) и как политический и как религиозный институт. Римский понтифик был как светским так и духовным правителем с раннего Средневековья. Но в конце XV – начале XVI века его правление в «папском государстве» было, наконец, консолидировано, и его двор в Риме трансформировался в один из великих монархических дворов Европы. В связи с этим и в зарубежной и в отечественной историографии сформировалось убеждение в том, что «секуляризованные» папы эпохи Возрождения мало чем отличались от других, светских итальянских князей и тиранов. И на первый взгляд кажется, что изменения в ритуальной жизни Римской курии, произошедшие в 1450-х – 1150-х годах подтверждают такое мнение.

В указанный период произошло кардинальная перемена в стилистике папской власти. С правления Евгения IV (1431 — 1447) и его преемника, Николая V (1447 — 1455), началось ощутимое изменение в балансе между священническим и царским аспектами папской власти, сдвиг акцентов с пасторского на монархический характер папской «должности». Яснее всего это проявилось в постепенном сокращении количества случаев, в которых папы исполняли свои священнические обязанности перед собранием народа. К концу XV века понтифики ограничили свои публичные появления в качестве celebranta мессы примерно тремя (sic!) случаями в год.

Помимо того, активной перестройке и расширению подвергались жилые и церемониальные помещения Ватиканского дворца, в связи с чем значительно увеличилась численность папской свиты. Ритуал и придворное хозяйство были также переработаны, чтобы подчеркнуть роль папы как светского государя. Именно поэтому между XV и XVII веками римская курия смогла стать одной из самых влиятельных моделей — в отношении церемоний, музыки, искусства и архитектуры — для королевских дворов Европы раннего Нового времени.

Увлечения большинства «ренессансных понтификов» тоже были типичными для итальянских правителей той эпохи и, соответственно, редко отличались душеспасительным характером. Источники рассказывают нам о частых и пышных выездах на охоту, роскошных пирах, постоянно устраиваемых в честь того или иного события, красочных театрализованных представлениях и женщинах легкого поведения, присутствовавших в алтарной части храмов даже во время совершения мессы. Конечно, исключения также имели место, но и нейтральную с этической точки зрения склонность некоторых пап к поощрению гуманистических занятий вряд ли можно рассматривать как исконно христианскую по своему духу.

Вполне «мирским» смотрится и стремление курии принимать активное участие в политической жизни. Она без сомнения была основным центром европейской дипломатии. По оценкам ученых между 1490 и 1500 в Риме побывало примерно 243 дипломата, в то время как двор императора Максимилиана посетил 161 дипломат, двор французского короля – 135 дипломатов, Миланский двор – 100 дипломатов..

Но, несмотря на всю наглядность вышеприведенных доводов для современных исследователей вывод о секуляризации папства к концу XV – началу XVI вв. отнюдь не выводится из них логически. Этому препятствуют некоторые особенности мировоззрения людей того времени.

Начать стоит хотя бы с вопроса: чем именно был обусловлен столь высокий политический авторитет папства? Его финансовые возможности были, очевидно, значительны, но отличались крайне непостоянным характером. Соответственно и в военном отношении его сила вряд ли могла рассматриваться как решающая. Значение Рима как культурного центра также не может объяснить столь многочисленного дипломатического представительства при курии – искусство редко является самоцелью для политиков. Остается единственная возможность: роль папы, как главы христианского мира все же признавалась этим самым «христианским миром» причем в политическом, то есть в весьма прагматическом, а оттого буквальном смысле.

Если перейти от восприятия папства окружающим миром к его самосознанию, то можно, например, констатировать, что приверженность к охоте в курии могла восприниматься как естественное следствие заботы о здоровье папы – заботы, которая впервые отчетливо проявилась еще в середине XI века и с тех пор претерпела скорее количественные, чем качественные изменения.

Что же касается упомянутых выше изменений собственно в церемониальной жизни понтифика, то они, по моему мнению, явились результатом не столько «обмирщения» папской власти, сколько напротив – увеличения значения ее сакральности. Понтификальная месса, которую служат три раза в год, является примечательным, важным событием именно вследствие своей редкости. О ее значимости недвусмысленно говорит хотя бы то, что в «Церемониале» (1488) Агостино Патрици Пикколомини и Иоганна Буркарда, содержащем первое достаточно полное и систематическое изложение ритуалов литургического года, а также таких экстраординарных событий, как избрание папы, его смерть, коронация короля или императора, описание такой литургии занимает около 15% всего текста.

Усиление сакрализованности понтифика выражалось также и в том, что его атрибуты передавались Богу-отцу – так, именно в конце XV века Вседержителя стали

изображать в тиаре, а балдахин над алтарем в точности копировал балдахин над креслом папы. В результате понтифик вполне органично выступал в роли преемника обожествлявшихся римских императоров, причем природа его божественности выражалась в традиционных христианских терминах.

Литература

1. Лозинский С.Г. История папства. М. 1986.
2. Dykmans M. Introduction // Dykmans M. L'oeuvre de Patrizi Piccolomini ou le ceremonial papal de la première Renaissance. Т. 1. Bruxelles; Roma, 1986. (Studi e testi. Vol. 293.) P. 1* – 162*.
3. Fernández P.D. The Patrimony of St. Peter. The Papal Court at Rome c. 1450-1700 // The Princely Courts of Europe, Ritual Politics and Culture under the Ancien Régime 1500 – 1700 /ed. John Adamson, London, 2000. P. 141 – 164.
4. Patrizi Piccolomini Agostino. Caeremoniale // Dykmans M. L'oeuvre de Patrizi Piccolomini ou le ceremonial papal de la première Renaissance. Т. 1, 2. Bruxelles; Roma, 1986. (Studi e testi. Vol. 293.)
5. Visceglia M.A. La città rituale: Roma e le sue cerimonie in età moderna. Viella, 2002.

Накануне Второй мировой войны: европейский кризис глазами американского дипломата Дж. Ф. Кеннана

Райкова Вера Алексеевна

Аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: raivera@yandex.ru

Осмысление трагичного и насыщенного периода европейской истории, предшествовавшего Второй мировой войне по-прежнему остается одной из самых волнующих задач для историков. Одним из средств освобождения от наслоений позднейших интерпретаций являются воспоминания и концептуальные соображения непосредственных очевидцев и участников разворачивавшейся европейской драмы. К таковым в полной мере можно отнести второго секретаря американского посольства в Праге в 1938-1939 гг. Джорджа Ф. Кеннана, опытного и компетентного дипломата, внимательного и беспристрастного наблюдателя.

Кеннан находился в Чехословакии ровно год – с сентября 1938 по сентябрь 1939 гг., но сохранил множество воспоминаний о том периоде, зафиксированных в различных работах. В 1967 г. был опубликован первый том мемуаров Кеннана, охватывавший 1925-1950 гг., в которых службе в Праге отводилась отдельная глава¹. В 2002 г. мемуары были переведены на русский язык под странным и не соответствующим действительности названием «Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана»². В 1968 г. в свет вышел сборник донесений Кеннана, относящихся к работе в пражской миссии и последующей службе в Берлине (сентябрь 1939 – декабрь 1941 гг.), высоко оцененный как в Америке, так и за ее пределами³. Так, например, профессор Ф. Хэйман отмечал донесения Кеннана как «результат первоклассных

¹ Kennan G.F. Memoirs, 1925-1950. Boston: Little, Brown and Company, 1967.

² Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002.

³ Kennan G.F. From Prague after Munich: Diplomatic Papers, 1939-1940. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968.

наблюдений, сочетающихся с тщательным политическим анализом и интерпретацией, из которых историки, политики и все читатели извлекут пользу в равной степени»¹. Наконец, в 1989 г. были опубликованы дневниковые записи и личная переписка Кеннана, в том числе и о работе в Праге². Большое количество полезной и интересной информации об экономической, социальной, политической, религиозной, культурной ситуации в Восточной Европе перед началом Второй мировой войны содержится в воспоминаниях и донесениях Кеннана. Его особое внимание было приковано к проблеме чехословацко-немецких отношений.

Кеннан прибыл в Чехословакию 29 сентября 1938 г., в день, когда стали известны итоги Мюнхенской конференции по т.н. «судетскому вопросу» и его первые впечатления от Праги были неразрывно связаны с мюнхенским урегулированием. Кеннановская интерпретация мюнхенского кризиса существенно расходилась с распространенной тогда среди западных дипломатов и политиков. Признавая, что принятое соглашение означает «фактическое окончание политической и экономической независимости»³ Чехословакии, он приветствовал «унизительный, но действительно героический реализм» населения страны, с достоинством принявшего случившееся, взамен «романтическому, но безнадежному сопротивлению»⁴. Пытаясь понять причины случившегося, Кеннан обращается к историческому прошлому Чехословакии. Разделение Австро-Венгерской империи после Первой мировой войны он трактовал как серьезную ошибку, допущенную западными державами, в результате которой возник политический вакуум в Центральной и Восточной Европе, неизбежно влекущий за собой борьбу за гегемонию в этом регионе. Наибольшее влияние к концу 1930-х гг. здесь имела Германия и Кеннан первоначально был склонен видеть в ней силы, «пытающиеся осуществить интеграцию там, где два десятилетия господствовали сепаратизм и разобщенность»⁵. Осенью 1938 г. Кеннан оценивал внешнюю политику Гитлера как направленную на «реконсолидацию» Европы и обладавшую позитивным потенциалом для западной цивилизации. Дальнейшее развитие событий существенно поколебало его позицию.

15 марта 1939 г. немецкие войска вступили в Чехословакию и страна была окончательно расчленена - Чехия, Богемия и Моравия стали немецкими протекторатами, а Словакия получила статус независимого государства под охраной Рейха. В этих обстоятельствах Кеннан обратился к изучению особенностей немецкого оккупационного режима, пытаясь доказать или опровергнуть тезис о благотворном влиянии Германии. Если сначала он отмечал, что «пресса склонна преувеличивать ужасы первых недель немецкой оккупации»⁶ и замечал такие поступки оккупационных властей, как возложение цветов на могилу неизвестного солдата, терпимую политику по отношению к еврейскому населению, отсутствие террора против известных чешских деятелей, то постепенно тональность донесений меняется. Начиная с апреля 1939 г. внимание все больше акцентируется на политических репрессиях, бесстыдном ограблении территорий, ужесточении политики в еврейском вопросе, неприкрытом стремлении Германии упразднить систему Протектората и напрямую включить восточно-европейские земли в состав Рейха. Утрата политической независимости и тяготы

¹ Heymann F.G. Epilogue // Kennan G.F. From Prague after Munich: Diplomatic Papers, 1939-1940. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968. P. 253.

² Kennan G.F. Sketches from a Life. New York: Pantheon Books, 1989.

³ Personal notes on the Munich crisis, written in early October 1938 // Kennan G.F. From Prague after Munich...P.3.

⁴ Kennan G.F. Memoirs, 1925-1950...P. 95.

⁵ Ibid.

⁶ Excerpts from a personal letter of March 30, 1939 // Kennan G.F. From Prague after Munich... P.103.

нацистской оккупации вызывали сопротивление со стороны местного населения, и хотя весной 1939 г. движение сопротивления отличалось неорганизованным и спорадическим характером, но даже тогда имелись все предпосылки его перерастания в «необъявленную войну в занятой немцами стране с репрессиями, расстрелами, депортациями, с одной стороны, саботажем, заговорами, подпольной борьбой – с другой»¹. По мнению Кеннана, жители оккупированных территории видели средством освобождения от нацизма мировую войну: «так же, как чехи ждали Мировой войны, чтобы вырвать свободу у Австрийской империи, так теперь они вновь надеются на войну, как на нечто, способное принести восстановление их политической свободы»².

Таким образом, анализируя воспоминания и донесения Кеннана, относящиеся к весне-лету 1939 г. можно констатировать, что он окончательно утратил ранние иллюзии относительно возможности Германии стать оплотом порядка в Восточной Европе. В одном из майских донесений Кеннан откровенно признавался, что немцы «имеют мало шансов на успех как наследники ответственности, которую несли на протяжении многих столетий – и временами достойно - Католическая церковь и Империи Габсбургов»³.

Экзегетика Священного Писания как инструмент социальной рефлексии: средневековый город глазами Руперта Дойтцкого⁴

Редькова Ирина Сергеевна

Аспирантка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: irinaredkova@yandex.ru

Данный доклад посвящен изучению возможности применения экзегетических трудов в исследованиях по социальной проблематике, в частности, в изучении феномена возникновения городов и городской формы жизни в XII в.

Термин «экзегетика» происходит от древнегреческого слова ἑξηγητικός – предводительствовать, излагать, изъяснять, советовать. Средневековая экзегетика включает в себя всю библейскую герменевтику, созданную западной теологией с 600 по 1500 гг., а также библейскую литературу, то есть комментарии, которые и являются результатом герменевтики. В XII веке экзегетика Священного Писания как литературный жанр достигла своего наивысшего расцвета (Gribomond, Hödl, 1995). Интерес к изучению такого огромного корпуса источников возник только во второй половине XX века и связан как с изменением тематики, так и проблематики исследований западной историографии. В последние десятилетия появился как ряд общих работ, посвященных изучению экзегетики как исторического источника (Angenendt, 1997), так и монографий по отдельным персоналиям (Weber, 2003). В отечественной историографии эта проблематика была затронута в работах А.Я. Гуревича, однако вопрос о восприятии городского феномена на материале экзегетики и теологии не становился отдельной темой исследования ни в зарубежной, ни в отечественной литературе.

¹ Kennan G.F. Memoirs, 1925-1950...P. 100.

² Letter of April 14, 1939, from Consul General Linnell to the Chargé d'Affaires at Berlin, commenting on the general situation in the Protectorate // Kennan G.F. From Prague after Munich... P.118.

³ Memorandum of May 15, 1939, on the trend of developments in Bohemia and Moravia // Kennan G.F. From Prague after Munich... P.171.

⁴ Тезисы доклады основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта КААД (2003 г.) и DAAD (2004 г.)

В качестве источника исследования в данной работе было использовано экзегетическое сочинение «О пожаре города Дойтц» (*De incendio oppidi Tuitiensis*) автора XII века – монаха-бенедиктинца Руперта Дойтцкого. Руперт Дойтцкий (*Rupertus Tuitiensis*) был аббатом бенедиктинского монастыря св. Марии и св. Хериберта в Дойтце (1121-1129 гг.). Небольшое сочинение «О пожаре города Дойтц» Руперт пишет незадолго до своей смерти в вверенном ему монастыре св. Хериберта и св. Марии в 1128г. Поводом для его написания послужил пожар в протогородском поселении Дойтц, выросшем рядом с аббатством, который начался в воскресенье 28 августа 1128г. Большая часть Дойтца, также как и приходская церковь св. Урбана, сильно пострадали, в то время как монастырские сооружения остались нетронутыми. Это дало повод говорить о чудесном спасении аббатства и о божьем суде над «городом» как явлением общественной жизни. В современной историографии считается, что Руперт в сочинении „*De incendio*” одним из первых в теологии и экзегетике поднимает тему города как явления в социальной жизни Западной Европы XII века (Arduini, 1987).

Особенность «*De incendio*» в отличие от других произведений в жанре экзегетики заключалась в том, что данный теологический трактат был написан «на злобу дня». Это произведение Руперта наглядно показывает нам, что теология могла быть не только отвлеченной абстрактной дисциплиной, ничего не имеющей общего с реальной жизнью, скорее, напротив, реальная, повседневная жизнь повлияла на выбор и сюжета, и обусловила самый характер размышлений автора.

Спор вокруг крепости Дойтц между архиепископом Кельнским и аббатом монастыря Дойтц, а также конфликт Руперта с горожанами возник из-за неопределенности правового статуса *castrum*, где располагалось аббатство святого Хериберта. Вмешательство архиепископа Кельнского во внутреннюю жизнь и распорядок аббатства, строительство, которое затеял он, стало причиной возникновения небольшого поселения ремесленников рядом с Дойтцом. Это поставило Руперта перед сложнейшей проблемой: он вполне по очевидным соображениям не мог пойти на конфликт с архиепископом (по протекции которого стал главой монастыря), однако также не мог и смириться с существующим *status quo*. Внутренняя коллизия разрешилась пожаром, вспыхнувшим в Дойтце, который стал предметом экзегетических медитаций Руперта. Лейтмотивом «*De incendio...*» является идея о том, что сам образ жизни в поселении Дойтц преступен и порочен, за что и была наказана Господом крепость Дойтц, а монастырь спасен.

Прожив практически всю свою жизнь в тишине и покое монастырских стен, почти не путешествуя и не выезжая (так реализовывалось предписание бенедиктинского устава о *stabilitas loci*), под конец своей жизни он сталкивается с новым общественным явлением: городская суэта и шум проникают в стены его аббатства. И автор словно бы «открывает» для себя существование города как особого явления, формы жизни. Реакцию экзегета можно увидеть и в подборе текстов и сюжетов из Библии, и в выбранном методе их интерпретаций. Например, урбанистический ландшафт оказывается чужд аббату Дойтца и абсолютно неприемлем. Чтобы подчеркнуть это, он использует для анализа феномена города те книги Библии, где идет речь о противостоянии «странствующего» народа Израиля и ханаанских городов.

Свое резкое неприятие тенденций урбанизации общества Руперт выражает в историко-эсхатологической экзегезе Священного Писания. Используя традиционную, заимствованную еще у Августина антитезу *civitas Dei – civitas diaboli*, Иерусалим – Вавилон, Руперт разрабатывает ее как *civitas peregrina* – города. Рассматривая историю возникновения этого образа жизни в эсхатологическом контексте, Руперт отмечает, что изначально город как способ организации общества был неугоден Богу. Далее, развивая эту тему, он анализирует историю взаимоотношений народа Израиля и городов.

Руперт приходит к выводу, что на протяжении всей священной истории civitates являлись своего рода соблазном для взыскующих Царствия Небесного. Там процветало идолопоклонство, сами они были оплотами гордыни и дьявольской силы. Однако Руперт при такой антигородской позиции, которую он вычленил в экзегетике, не мог не признать влияния городов как формы жизни даже на народ Израиля (в этом случае он предлагает понимать peregrinatio spiritualiter, как состояние души).

Возникновение такого яркого и по-своему драматического источника, как «De incendio...», в котором автором столь глубоко и остро переживаются новые социальные изменения, а именно, и появление города, и случайно, и характерно. Случайно, поскольку обусловлено ситуацией, в которую попал Руперт, а характерно, так как экзегетика предоставляла теологам подобные возможности для выражения своих мыслей, переживаний, рефлексии.

Литература

- Гуревич А.Я. (1981) Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство.
- Angenendt A. (1997) Die Geschichte der Religiositaet im Mittelalter. Darmstadt: Primus Verlag.
- Arduini M.L. (1987) Rupert von Deutz und der “Status christianitis” seiner Zeit. Koln/Wien: Bohlau.
- Gribomond J., Hödl L. (1995) Bibelauslegung. Geschichte der Auslegung// Lexikon des Mittelalters. München: LexMA-Verlag. Bd.2. Sp.43-51.
- Rupertus Tuitiensis (1966) De incendio oppidi Tuitiensis // Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters. Bd. 22. Ss.441-467.
- Weber H.P. (2003) Sünde und Gnade bei Alexander von Hales. Ein Beitrag zur Entwicklung der theologischen Anthropologie im Mittelalter. Innsbruck/Wien: Tyrolia 2003.

Ротация правящей элиты Англии в царствование Кнута Великого

Ривчак Кирилл Владимирович

Студент

Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар, Россия

E-mail: rivchak@mail.ru

Кнут Великий (1017-1035 гг. пр.), английский король первой половины XI в., происходил из рода датских правителей-конунгов и захватил престол путем завоевания Англии отрядами викингов. Вступив на престол, Кнут полностью сменил правящую элиту Англии, уничтожив или изгнав ее представителей. Новую элиту составили приближенные к Кнуту скандинавы, участники завоевания, получившие статус эрлов – наместников короля в областях страны. Однако в дальнейшем такой состав подвергся масштабной ротации, и к концу царствования Кнута правящую элиту практически полностью представляла местная аристократия (Горелов, 2001, с. 74). Данное исследование посвящено сущности этого явления.

По мере того, как Кнут укреплялся на английском престоле, изменялись его отношения с бывшими соратниками, образовавшими правящую элиту. Центральной фигурой здесь являлся Торкель Высокий, эрл Восточной Англии, который в источниках зачастую выделялся из среды знати и упоминался наравне с королем. К началу 1020-х годов Торкель стал вторым человеком после короля, и это должно было беспокоить Кнута. В 1021 году эрл Торкель был лишен власти и изгнан из Англии (Kruhoffer, 2006, р. 6-7). Вместе с ним исчез из упоминаний титул эрла Восточной Англии. Изгнание Торкеля во многом является показательным для той тенденции, которая прослеживается в смене правящей элиты Англии в 1020-х годах. Эрик Хаконарсон, другой соратник

Кнута, известен как эрл Йорка в Нортумбрии до 1024 года. Дальнейшая его судьба достоверно неизвестна (Hayes, 2005, p. 148). Сведения источников позволяют утверждать, что Эрик был изгнан из Англии где-то одновременно с Торкелем, очевидно, по тем же причинам. Из числа эрлов, с которыми Кнут начинал правление, дольше всех у власти продержался Хакон Эриксон, эрл Мерсии. Однако Хакон не являлся сильным и влиятельным лидером, типичным представителем военной аристократии. Вероятно, поэтому Хакон мирно правил Мерсией до 1028 года, когда принял участие в походе Кнута в Норвегию и получил статус местного правителя (Larson, 1912, p. 148). К названным эрлам можно добавить Эглава, еще одного соратника Кнута. Он был вынужден покинуть Англию после участия в мятеже против короля в 1026 году (Larson, 1912, p. 119).

Как можно заметить, в течение 1020-х годов наметилась тенденция ухода из правящей элиты бывших участников завоевания Англии, что можно объяснить их изгнанием в результате конфликта с королем. Причем, конфликт не обязательно мог быть явным, как в случае с Эглавом. Кнут явно опасался могущества своих бывших союзников и принимал превентивные меры. Причем данные меры, по большому счету, не были спровоцированы действиями самих эрлов, поскольку источники об этом умалчивают. Скорее Кнут стремился расширить королевскую власть и упрочить свое единовластие. Естественным препятствием для этого являлось могущество высшей знати (Горелов, 2001, с. 74). Ее основу составляли бывшие завоеватели, которые рассматривали свои эрлства как военную добычу. Укрепление королевской власти неизбежно привело к уходу такого рода лидеров из правящей элиты. Параллельно были фактически ликвидированы два самых крупных эрлства, Нортумбрия и Восточная Англия. Это может говорить о том, что Кнуту были не нужны сильные лидеры со статусом эрлов, с которым ему пришлось бы делить власть. Тем не менее, как бы ни усиливалось единовластие Кнута, он продолжал нуждаться в лидерах на местах для управления отдельными территориями страны. Ушедшие из правящей элиты бывшие завоеватели начали заменяться представителями местной аристократии. В первые годы правления Кнута она претерпела удаление традиционных лидеров и пресечение старых правящих династий. В данных условиях новые лидеры теперь являлись ставленниками Кнута и были обязаны своим возвышением лично королю. Все это делало их лояльность достаточно надежной, чтобы наделять их высокими статусами.

Наиболее показательной является карьера эрла Годвина, выходца из старой аристократии Уэссекса. С 1018 года Годвин начал участвовать в подписании королевских хартий в качестве лидера Уэссекса, вероятно, обладая статусом элдормена. Он получил его после завоевания, очевидно, по заслугам своей семьи перед данами. До начала 1020-х годов власть Годвина не могла быть сопоставима с могуществом эрлов. Но с уходом Торкеля Высокого из правящей элиты Кнуту потребовался новый советник в английских делах. Судя по всему, Годвин служил неким посредником между Кнутом и англосаксонской аристократией. Именно Годвин командовал англосаксонскими войсками в скандинавских походах Кнута. В 1023 году Годвин получил статус эрла Уэссекса и фактически стал вторым человеком в Англии после Кнута. Высокое положение Годвина в правящей элите Англии подтверждается установлением родственных связей между ним и Кнутом (Bibbs, 1999, part 4). Вторым ставленником Кнута стал эрл Леофрик, представитель старой аристократии Мерсии. По всей видимости, род Леофрика являлся англо-датским, благодаря чему и сохранил свое положение после завоевания. Очевидно, его возвышение связано с потребностью Кнута в компетентном представителе в Мерсии. Такая потребность появилась после ухода из английской правящей элиты Хакона, предыдущего эрла Мерсии, в 1028 году (Larson, 1912, p. 154). К концу правления Кнут сделал еще одно крупное назначение, восстановив

титул эрла Йорка. В 1033 году данный статус получил Сивард, выходец из местного англо-датского рода (Hayes, 2005, p. 150).

Итак, в период царствования Кнута наблюдалась масштабная ротация правящей элиты Англии. Состав элиты, сложившийся по итогам завоевания, за следующее десятилетие сменился практически полностью. Наиболее интенсивно данный процесс шел в первой половине 1020-х годов. Его причины следует искать в усилении королевской власти, для которой прежняя элита являлась препятствием в силу своей относительной независимости. Изначально высокий статус прежних лидеров не был связан напрямую с их лояльностью королю. В ходе формирования нового состава элиты ее представители выдвигались королем, что обуславливало их подчиненное положение. Источником формирования стала аристократия Англии, в среде которой процесс феодализации был более значителен, чем в Скандинавии. Таким образом, распределение статусов в правящей элите стало все больше определяться фактом службы королю.

Литература

- Bibbs, Hugh. (1999) The Rise of Godwine Earl of Wessex. [Электронный ресурс] / 3rd ed. Scriptorium Series: Vol. 2 — Northwest & Pacific Publishing — Режим доступа: <http://www.medievalhistory.net/page0008.htm>, свободный. — Загл. с экрана.
- Hayes J. A. (2005) Anglian Leadership in Northumbria, 547 A.D. through 1075 A.D. [Текст] / A Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. — Louisiana State University — 182 p.
- Kruhoffer, Annette. (2006) Thorkell the Tall – a key figure in the story of King Cnut. [Текст] / The 13th International Saga Conference. Pre-prints of Conference Papers – Durham – York – 9 p.
- Larson, L. M. (1912) Canute the Great: And the Rise of Danish Imperialism During the Viking Age. [Текст] – N.Y.: Putnam's Sons – 375 p.
- Горелов М. М. (2007) Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. [Текст] – СПб.: Алетейя – 176 с.

Мотивация перехода в ислам жителей Македонии (XVI-XVII вв.)

Сафонов Александр Андреевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: saf-one@rambler.ru

До османского завоевания подавляющее большинство жителей Македонии исповедовали православие. При османской власти в македонских землях наблюдается непрерывный рост доли мусульманского населения. Так, в селе Жировница в 1536/39 гг. было 3 семейства мусульман, а в 1583 г. — 69 семей, причем 44 семьи точно произошли от христиан (Горгиев 2004, с. 74).

Столь значительный рост мусульманской общины не мог быть связан исключительно с расселением анатолийских тюрок-колонистов или с их демографическим ростом. Очевидно, значительная часть местного населения при давлении и стимуляции властей переходила в ислам.

Обращение мог совершить любой немусульманин-зиммий вне зависимости от своей сословной и этнической принадлежности, достатка, возраста и пола. Выбор ислама сопровождался поощрением властей: ренегату открывались карьерные возможности, облегчались налоги и повинности, выдавалось единовременное вознаграждение.

В историографии традиционно высказывается мнение, что в предосманский и раннеосманский период в условиях этнической мозаичности Балкан важнейшим видом

самосознания населения было религиозное (Литаврин 2004, с. 164, 168-169). Однако детальное изучение мотивов обращения демонстрирует, что зачастую религиозное сознание не играло определяющей роли.

На местах, особенно в горных районах христианская вера не была глубокой. На снижение религиозного самосознания также повлияла очевидная деградация церковных институтов и сокращение числа приходов.

Выбор ислама не подразумевал проверки искренности и мотивов обращаемого, иногда ренегат не имел представления о новой религии. Инкорпорация в умму представляла собой юридический акт, который сводился к произнесению в шариатском суде ритуальной формулы при свидетелях. После обращения новый мусульманин был обязан исполнять лишь минимальные требования новой религии, а иногда не выполнял их вовсе.

Для подавляющего большинства населения принадлежность к определенной религии помимо соответствующего социального статуса, возможностей и ограничений в рамках системы миллетов определялась набором внешних проявлений: одежда, необходимость обрезания, особенности пищевого рациона, что убедительно демонстрируют записки Константина из Островицы (Константин Михайлович, с. 35-43, 62).

Отметим, что после взятия османами Константинополя в 1453 г. христиане осмыслили свое положение, нелегкое из-за природно-социального кризиса, в контексте апокалипсических ожиданий (Стојановић, с. 57). Переход в ислам в некотором отношении освобождал христианина от подобного мировоззрения.

По сравнению с религиозным мировоззрением более важную роль играло желание ренегата выразить посредством религиозного выбора свой разрыв с общиной. Традиционализм общества и патерналистское отношение государства сковывали рамки индивидуального поступка. Перемена веры вызывала бойкот семьи и соседей не только по религиозным и сословным причинам, но также из-за нарушения подчинения человека коллективу, несущему за него круговую поруку. Разумеется, разрыв далеко не всегда был полным и безусловным, но после обращения пути назад уже не было.

Основными мотивами, связанными с внутриобщинными конфликтами, являются взаимоотношения поколений в патриархальной семье и вопросы наследства, проблемы с заключением или расторжением брака, желание осуществить кровную месть либо избежать ее, изменение рода деятельности или места жительства.

В значительной мере выбор ислама предопределяла принадлежность человека к одной из специфических «групп риска», тогда как самосознание имело внешнее, оправдательное значение. Таких групп мы можем выделить пять: нотабли, безработная молодежь, женщины в смешанных браках, дети, и маргиналы.

Рядовые общинники обычно уклонялись от выбора, перекладывая ответственность на авторитетных людей, которые выполняли роль посредников между властями и общиной и лучше других представляли преимущества и недостатки исламизации как для коллектива, так и для себя лично. Парадоксально, но в ряде случаев инициаторами обращения становились священнослужители.

В условиях демографического роста XVI в. община выталкивала «лишнюю» рабочую силу на заработки, в города и на рудники. Наиболее активные юноши освобождались от контроля старейшин и попадали в космополитичную среду, открывавшую карьерные перспективы на военной и чиновничьей службе после перехода в ислам.

Брак или сожителство мусульманина и христианки были распространенными явлениями в Македонии, однако женщина находилась под значительным давлением со стороны супруга и его семьи, что доказывают судебные акты (Турски документи 1967, с. 139-140). В частности жена-христианка была лишена права наследовать своему мужу

в случае смерти. При этом женщинам позволялось совершать мусульманские обряды непублично, что привело к массовому криптохристианству в женской среде.

Дети и подростки не имели сформировавшихся убеждений и легче других подвергались запугиванию и принуждению. Именно в детской среде отмечено наибольшее число случаев насильственного обращения в ислам.

Под общим понятием маргиналов нами подразумеваются освобожденные рабы, преступники, военнопленные, бродяги и обезземеленные крестьяне. Для них в религиозном выборе наиболее важны мотивы материальной поддержки уммы и уголовной амнистии.

В заключение отметим, что религиозный выбор был в значительной степени добровольным. Даже при прямом принуждении зимий мог выбрать альтернативу исламу, в частности эмиграцию или переход под покровительство влиятельных лиц. Сама возможность выбора зимием сословно-религиозного статуса была уникальной для средневекового общества, ориентированного на коллективную ответственность общины и неизменность социально-политического устройства.

Источники и литература

- Ѓорѓиев Д. (2004) Исламизација во македонско-албанскиот граничен појас во XV и XVI век // Историја. Vol. XXXX. №1-2. С. 71-76.
- Литаврин Г.Г. (2004) Этнические и политические симпатии населения пограничных областей между Византией и Болгарией в первой половине XIV столетия // Славяне и их соседи. Вып. 11. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Наука.
- Константин Михайлович из Островицы (1978). Записки янычара. М.: Наука.
- Стојановић Љ. (1902) Стари српски записи и натписи. Књ. 1. Београд: Државна штампарија.
- Турски документи за историјата на македонскиот народ (1966). Сер. 1 (1607-1699), Т. 2 (9-17.01.1627-25.11.1635). Скопје: Архив на СРМ.

Катаризм и куртуазия: проблема поиска социо-культурной альтернативы в Окситании (конец XII – середина XIII в.)

Стародубцева Надежда Юрьевна

Соискательница

Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоград, Россия

E-mail: bellaragazza34@mail.ru

Цель данной работы – проследить формирование разных взглядов на пути социо-культурного развития в Окситании конца XII – середины XIII в.

Основные источники по данной проблематике – протоколы инквизиции, хроники, а также произведения трубадуров.

Новизна работы определяется малой разработанностью рассматриваемой проблематики. К сожалению, не было возможности познакомиться с недавно вышедшей книгой А. Brenon “Les troubadours et les cathares”, посвященной данному вопросу. Отечественные исследователи рассматривали куртуазию в основном в качестве нового слова в литературе, практически не уделяя внимания ей, как особой системе взглядов. К тому же не производилось попыток соотнести катаризм и куртуазию как мировоззренческие схемы, получившие значительное распространение на Юге Франции.

Свидетельством тому, что катаризм являет собой альтернативу католическому сознанию, служат как массовость последователей, так и разработанная догматика катарского вероучения. Несмотря на утверждения католической церкви о манихейских корнях катаризма, катары были христианами. Элементы дуализма имели свою основу в

высказываниях апостола Иоанна. Развивая мысль евангелиста, что доброе дерево может дать только добрый плод, а злое – только злой плод, они утверждали, что все земное было создано дьяволом. Цель человека – вырваться из адских пут земной жизни.

Иной взгляд предлагали носители куртуазной культуры. Куртуазия была направлена против старого церковного мировоззрения, прославлением земной радости опровергая учение церкви. Важной особенностью является и то, что она обладает своеобразным ритуалом, или даже культом. Куртуазная знать хоть официально и оставалась в лоне Церкви, все же не придавала ей особого значения. Даже Бог, обращения к которому нередки в поэтических произведениях трубадуров, является носителем довольно профанного образа, подвиги совершались «ради мирской чести и Бога». Подобное отношение к сакральным категориям может свидетельствовать о секулярном сознании его носителей. Естественно, это вызывало протест Церкви. Трубадуры Гиро Рикье и Фольке де Лунель, рассуждая о поэзии, говорили, что верховные церковнослужители их времени рассматривали ее как грех (Anglade, 1973). Т.о., не ставя перед собой цели создать новую систему взглядов, которая бы пришла на смену католической, трубадуры все же заложили основания для нее, переместив взгляды с мира потустороннего на мир посюсторонний, утвердив целевые установки, полностью укорененные в мире земном.

Противостояние католицизма, катаризма и куртуазии не ограничивается областью идеологических установок. Ведь мировоззренческие системы оказывают влияние на выстраивание отношений внутри общества. В применении к высокому средневековью речь идет прежде всего о католичестве. Католическая схема общества была иерархической. Представления трубадуров о взаимоотношениях внутри общества носили элитарный характер. Для носителей куртуазного мировоззрения есть лишь один привилегированный слой – *знать*. В противовес обеим вышеприведенным схемам катаризм был проводником *эгалитарной* идеи. Сословные условности полностью отменялись.

Т.о., мы можем наблюдать довольно интересную ситуацию борьбы трех подходов к вопросам социо-культурного бытия.

Важным событием, повлекшим за собой изменения в духовной культуре Окситании начала XIII в., стало французское завоевание. Одним из главных мотивов творчества куртуазных поэтов отныне становится критика католической церкви и французского монарха. Так, Гийом Фигейрас восклицает: «Рим, у тебя больная голова, как и у ордена Сито, раз ты скомандовал в Безье такое жестокое истребление. Под обликом агнца, с простым и скромным взглядом, ты оказался волком-похитителем и коронованной змеей» (Lenient, 1893). Не менее яростно трубадуры выражали неприязнь в отношении французов. Пейре Кардиналь сложил гимн войне с ними: «Граф Тулузский, герцог Нарбоннский, маркиз Прованский, ваша смелость делает честь миру. Все земли от Нарбоннского моря вплоть до Валенсии преисполнены скверны и вероломства; но вы их презираете так же, как этих французских пьяниц, которые вас пугают не больше, чем куропатки» (Lenient, 1893).

Аналогичные процессы происходили и в среде катаров. И если критика католической церкви была присущая этому учению изначально, то теперь сюда добавляется мотив неприятия французского владычества. В протоколах инквизиции встречаются такие высказывания: «Пьер сказал, что *господство французов ему очень неприятно*, что *священнослужители и французы – это одно и то же*, потому что и за «да», и за «нет» они истребляют и убивают людей» (Registre de l'inquisition de Toulouse, 1993).

Сближение двух идеологий в виду общности целевых установок привело к формированию единого лагеря агитации против произвола Папы Римского и французского завоевания. Т.о., вместо «треугольника» мировоззренческих альтернатив

образуется два противоборствующих политических лагеря: завоевателей и борцов за независимость.

Литература

- Жизнеописания трубадуров: [Антология] / Сост. М. Б. Мейлах. М.: Наука, 1993.
Anglade, J. (1973) Les troubadours de Toulouse. Geneve: Slatkine reprints.
Collection des memoires relatifs a l'histoire de France. Depuis la fondation de monarchie française jusqu'a 13^e siecle / ed. M. Gizot. Paris: imprimerie de Lebel, 1824.
La chanson de la croisade contre les albigeois (principaux episodes) / trad. J. Audieou. Paris: E. de Boccard, 1924.
Lenient, C. (1893) La satire en France au moyen age. Paris: librairie Hachette et C^{ie}.
Registre de Bernard de Caux (Agen, Cahors, Toulouse) / ed. trad. J. Duvernoy. Foix, 1988.
Registre de l'inquisition de Toulouse (1273 - 1280). Texte édité, traduit et annoté par J. Duvernoy. Ms Fonds Doat t. XXV et XXVI. Paris, 1993.

Термин «автокефалия» согласно толкованиям византийских канонистов XII в. ко 2 правилу II Вселенского собора

Ульянова Анна Олеговна

Аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: autosuffisance@yandex.ru

В докладе на основе 2-го правила II Вселенского собора и толкований к нему византийских канонистов XII в. Аристина, Зонары и Вальсамона рассматривается эволюция понятия об автокефальных Церквях в Константинопольском патриархате. Текст 2-го правила впервые выверен в данной работе по греческим рукописям XII- XV вв., две из которых имеют афонское происхождение: Номоканон XII в. – из Ксиропотама и Кормчая XII в. – из Ивера. Толкования Аристина исследованы по наиболее раннему списку в ксиропотамской рукописи, а толкования Зонары – по рукописи канонического сборника XV в., имеющего наилучшую сохранность.

За II Вселенским собором, созванном в Константинополе императором Феодосием I в 381 г., признаются 7 правил, из которых первые четыре известны во всех канонических сборниках как Восточной, так и Западной Церкви. Три остальных правила были изданы в 382 г. на другом, более скромном по представительству Соборе, проходившем также в столице империи (Beck 1977. S. 45, 53). Во 2-м правиле этого собора сформулированы принципиальные положения о распределении властных полномочий между областными епископами (в дальнейшем – патриархиями), а также о внутреннем управлении административных единиц Церкви. Данным правилом II Вселенский собор призвал епископов «не простирать своей власти на церкви за пределами своей области» (Номоканон. Л. 36; Кормчая. Л. 30об.; Сборник канонический. Л. 37об.), причем можно без труда заметить, что правило определяет такие области как равные гражданским диоцезам; эти «церковные» диоцезы становятся основной «единицей невмешательства»: епископ Александрийский управлял церквями египетскими, Антиохийский обладал преимуществами над Церквями Востока; помимо этого, упоминались также епископы Асийской, Понтийской и Фракийской областей. Однако оно ничуть не упраздняло самостоятельности устроенных Никейским собором митрополичьих провинций, о чем ясно сказано в концовке этого правила: «При сохранении приведенного выше правила о церковных диоцезах, очевидно, что дела каждой провинции будет устраивать Собор именно этой провинции, как и определено в Никее» (Rhalles-Potles. Т. II. P. 169-170). В этом каноне ни слова не говорилось о Риме и

семи диоцезах Запада, поскольку Константинопольский собор рассматривал вопросы, относившиеся исключительно к *pars orientalis* империи.

С учетом новых церковно-политических реалий в Константинопольском патриархате к XII в. постепенно назрела необходимость адаптации прежних канонических норм и составления развернутых толкований. В этот исторический период появляются первые систематические труды в данной области известных византийских канонистов Аристина, Зонары и Вальсамона. Между 1118 и 1143 гг. Алексей Аристин, диакон и номофилак Великой Церкви, по поручению имп. Иоанна II Комнина подготовил краткие аннотации на Синописис, составленный в VI в. (VII в.?) Стефаном Эфесским и дополненный во второй половине X в. «магистром и логофетом» Симеоном. Иоанн Зонара свое «Изъяснение правил» написал вскоре после 1159 г., в правление Мануила I Комнина, и, следовательно, после появления толкований Аристина. Феодор Вальсамон начал составлять свои комментарии (Σχόλια) к Номоканону в XIV титулах, будучи еще диаконом и номофилаком в Константинополе, по поручению имп. Мануила I Комнина и вселенского патриарха Михаила III Анхиала (1170-1177), и закончил при патриархе Георгии II Ксифилине (1191-1198), которому посвятил весь свой труд.

Толкования этих трех столичных канонистов носили в Константинопольском патриархате до известной степени официальный характер, отражая позицию патриархата по спорным вопросам автокефальности Церквей (в частности, об автокефалии Болгарской Церкви). Принимались они во внимание и позднее времени их создания и, соответственно, оказали существенное влияние на каноническую практику всей Восточной Церкви. В толкованиях византийских канонистов XII в. нашла отражение не только принятая на тот момент кодификация церковных правил, но и хроника важнейших событий в истории Константинопольского патриархата, произошедших после издания постановлений вселенских соборов, что делает их неоценимым источником по нашей теме.

Сам термин «автокефалия» непосредственно в тексте 2-го правила II Вселенского собора не встречается, но фигурирует в толковании к этому правилу Вальсамона. Следует отметить, что если в тексте канона основной акцент ставится на точном соблюдении границ церковных диоцезов и на совершении церковных распоряжений только епископами конкретной области, не касаясь власти собора, то Вальсамон акцентирует свое внимание именно на соборном начале в деле избрания глав церковных областей, говоря, что «все прежние митрополиты епархий были автокефальными [независимыми] и рукополагались собственными соборами» (Rhalles-Potles. Т. II. P. 171). Таким образом, Вальсамон называет автокефальными те церковные административные единицы, которые, во-первых, имеют четко установленные и ненарушимые границы, во-вторых, управляются собственными епископами без постороннего вмешательства, и в-третьих, наиболее важные вопросы решаются собором «той же области».

Со времени II Вселенского собора и вплоть до расцвета византийского канонического права в эпоху Комнинов произошли важные изменения в церковной иерархии - появился титул патриарха, напрямую повлиявший не только на изменение процедуры избрания митрополитов, но и на понятие независимости, «автокефальности» Церквей. Однако незыблемым осталось требование неприкосновенности и цельности границ церковных диоцезов, сформированных «по правилам» и «по имеющим силу обычаю Отцов». Именно это подчеркивают в своих толкованиях ко 2-му правилу Зонара и Аристина, причем первый полагает возможным даже допустить перемещение епископов для просвещения «варварских народов».

Развивая тезис Зонары, Вальсамон констатировал, что автокефалия, будучи изначальным свойством всех епархий, была утеряна ими с появлением власти патриарха около IV в. Вместе с тем это понятие было расширено и стало применяться к целому ряду Церквей, которые перечислены канонистом (Кипр, Болгария, Иверия), ставших

автокефальными в силу того, что эти церкви «были почтены» подобным титулом или императором, или вселенским собором.

При Иоанне Златоусте (398-405) Константинопольский патриархат перешел границы, указанные II Вселенским собором, при этом власть патриарха фактически распространилась на Фракию с 6 провинциями, Асию с 11 и Понт с 11,- всего 28 церковных провинций. Подобное изменение в церковной иерархии было закреплено в 28-м правиле IV Халкидонского собора 451 г., который подчеркнул, как подчеркивает Вальсамон, чтобы «митрополиты понтийских, асийских и фракийских диоцезов и остальных, содержащихся в том правиле, были рукополагаемы патриархом Константинопольским и подчинялись ему» (АСО II, 1, 3. Р. 88-89; Rhalls-Potles. Т. II. Р. 171). Если 2-м правилом II Вселенского собора утверждался принцип «несмещения Церквей», при котором «Церкви Божии, у иноплеменных народов, должны быть правимы по соблюдавшемуся доньше обыкновению отцев», т. е. автокефально, – то 28-е правило IV Халкидонского собора расширило власть Константинопольского первоиерарха, подчинив ему также «епископы у иноплеменников вышереченных областей», находящихся за пределами Византийской империи. Примечательно, что в толковании Зонары именно на это правило вкраплены резкие суждения о современных ему событиях: «Царская власть перешла в тиранию, а сенат стеснен и потерял свое значение» (Сборник канонический. Л. 49об.).

28-е правило Халкидонского собора послужило краеугольным камнем первенства Константинопольской кафедры, что явилось «транспозицией политического положения Константинополя на церковный план», как выразился архиеп. Петр (Льюилье) (L'Huilier 1996. Р. 121). Правила Халкидонского собора определяли патриархат с диоцезальным собором как третью церковную инстанцию, к которой можно апеллировать на приговоры митрополитов и епархиальных соборов. После кодификации на Халкидонском соборе полномочий Константинопольского патриарха титул патриарха становится отличительным званием первоиерархов Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Благодаря новелле имп. Юстиниана 530 г., Константинопольский патриархат формально был объявлен апелляционной инстанцией по делам других патриархатов, и Константинопольский патриарх стал к другим патриархам в такое же отношение, как *praefecti urbis* или *praefecti praetorio* в отношении к викариям диоцеза. Почти одновременно в соответствии с новеллой 15 апреля 535 г. кафедра *Justinianae Primae* была объявлена Юстинианом независимой от фессалоникийского епископа и стала автокефальной.

В таком историческом контексте Феодор Вальсамон, первым из византийских канонистов, сформулировал канонические основания автокефалии. Для Болгарской Церкви Вальсамоном была привлечена 131 новелла Юстиниана (5 книга «Василик», 3 титул, 1 глава). Автокефалия архиепископии Кипра, согласно Вальсамону, утверждена на III Вселенском соборе, а также в 8 и 39 канонах VI Вселенского собора. Одним из наиболее близких ко времени Вальсамона прецедентов предоставления автокефалии стало решение собора в Антиохии во главе с патриархом Петром III (1052-1056) об автокефалии Церкви Иверии, о чем также упомянуто в его толковании ко 2-му правилу II Вселенского собора.

Итак, сравнительное исследование 2-го правила II Вселенского собора и канонических толкований к нему позволяет раскрыть различные характеристики термина «автокефалия», а также проследить эволюцию бытования этого термина с IV по XII вв. Особенно существенным источником для темы «автокефалии» являются комментарии Феодора Вальсамона, которые несут широкую информацию об автокефальных Церквях, возникших к XII в., в частности, о причинах и обстоятельствах их возникновения, исторических перипетиях и важнейшем обычае передачи привилегий при перемещении церковной кафедры из одного города в другой.

Источники и литература

- Кормчая – Кормчая XII в. ГИМ. Син. греч. 397.
Номоканон - Номоканон с толкованием Алексея Аристина XII в. ГИМ. Син. греч. 237.
Сборник канонический - Сборник канонический с толкованием Иоанна Зонары XV в. ГИМ. Син. греч. 475.
ACO - Acta Conciliorum Oecumenicorum, ed. E. Schwartz. I-IV. Berlin, 1914-1922-1974.
Beck 1977 - Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Munchen, 1977.
L'Huillier 1996 - L'Huillier P. The Church of the Ancient Councils. Crestwood, New York, 1996.
Rhalles-Potles - Ράλλης Γ.- Ποτλῆς Μ. Σύνταγμα τῶν θείων καί ἱερῶν κανόνων. I-VI. Αθήναι, 1852-1859.

Утопическая библиотека Джона Ди

Упадышев Владислав Викторович

Аспирант

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: gloommer@gmail.com

Фигура Джона Ди (1527-1608), выдающегося интеллектуала английского Возрождения, привлекла внимание исследователей сравнительно недавно. Работы, вышедшие во второй половине XX в., посвящены, по большей части, его изотерической концепции и политическим изысканиям (French, 1982; Harkness, 1999). Безусловно, данные вопросы представляют значительный интерес, но вместе с тем не стоит забывать и о других сферах его деятельности. В частности, нам хотелось бы обратить внимание на след оставленный Ди в движении антиквариетов и библиофилов, начало которому положили еще итальянские гуманисты. Объектом нашего внимания станет небольшой документ – прошение, адресованное Марии I (не удостоенное до сих пор отдельного рассмотрения даже в специальных работах (Sherman, 1995)), в котором Ди высказывает некоторые предложения по сохранению рукописей и книг. Его позиция в этом плане представляется нам совершенно особенной и отличной от бытовавшей традиции. Во многом, может быть, эти особенности обусловлены английскими реалиями и обстоятельствами его времени.

Эпоха Возрождения, среди прочих проблем предыдущих столетий, унаследовала и проблему доступности научных знаний. Библиотека - их главное хранилище и средоточие - в подавляющем большинстве случаев оставалась закрытым для широких кругов учреждением. В Англии же ситуация в этой сфере осложнилась еще и последствиями Реформации: «чисткой» университетских библиотек и разорением монастырских книжных собраний. Судьба таких «неугодных» книг и манускриптов была незавидна – их страницы, по скорбным свидетельствам современников, шли на флажки для загонной охоты, использовались для чистки подсвечников или натирания башмаков, не говоря уже о значительном количестве изданий вывезенных за границу.

В этих непростых условиях особое значение приобретает деятельность библиофилов и антиквариетов (таких как Вильям Кэмден, Роберт Коттон, Томас Аллен, Роберт Гловер), тративших немалые средства и усилия на приобретение, и, самое главное, поиск книг и рукописей из разоренных библиотек. Однако Джон Ди в данном контексте заслуживает отдельного упоминания. Его вклад в сохранения книжного наследия примечателен не только тем, что ему удалось собрать одну из самых внушительных частных библиотек – около 4000 наименований, более 700 из них – рукописи (Dee, A letter...).

В прошении «Ее Превосходнейшему Величеству Королеве», направленном Марии I в январе 1556 г., ученый выступил с интересной инициативой постановки дела спасения книг и рукописей на «государственные рельсы». Более того, для их хранения он предлагал создать публичную «Королевскую Библиотеку» и к прошению прилагал план по ее наполнению, озаглавленный: «Статьи касающиеся восстановления и сохранения древних документов и выдающихся авторов прошлого». Первая часть, собственно обращение к Марии, в значительной степени посвящена аргументации необходимости осуществления этого масштабного замысла. Ди начинает с описания «...прискорбных событий, недавно произошедших в этом королевстве по причине разрушения монастырей... И не последним по значению бедствием всегда среди ученых мужей будет считаться разграбление и разрушение столь многих и столь выдающихся библиотек» (Dee, A Supplication... P. 46.). Примечательно, что ученый явно дистанцируется от спора католиков и протестантов, но стремится, пусть и не декларируя этого, вписать свои устремления в общий контекст проводимых в стране контрреформационных мероприятий (происходящие события он осторожно назвал «временем примирения»). В качестве дополнительных «стимулов» он акцентирует внимание Ее Величества на уникальности задуманного предприятия и славе, которую оно принесет своему покровителю. Однако за пышными фразами и впечатляющими аргументами, призванными привлечь внимание высшей власти, необходимо видеть истинный замысел ученого – создание хранилища писаного и печатного знания, которое «...все королевство сможет использовать и наслаждаться несравненными сокровищами...» (Dee, A Supplication... P. 47.). И одной этой мысли достаточно, чтобы признать документ, вышедший из-под пера Ди, весьма прогрессивным шагом в истории науки и образования. Но идея общественной доступности была не единственной новацией проектируемой библиотеки.

При детальном рассмотрении документа обнаруживаются некоторые подробности планов, беспрецедентных по масштабам и значительно расширяющих заявленные цели. Главное, на что стоит обратить внимание, это последний пункт представленного Ди проекта, в котором он оговаривается, что специально учрежденная комиссия должна доставлять в Королевскую Библиотеку книги не только «во владениях Ее Величества», но и «из самых известных библиотек за морем... как в Ватикане, Сан-Марко в Венеции, во Флоренции... etc...» (Dee, A Supplication... P. 49.). Таким образом, план спасения монастырских книжных собраний окончательно превращается в некое грандиозное начинание едва ли не общеевропейского масштаба. Но национальная публичная библиотека, занимающаяся сбором литературы со всей Европы – картина утопическая не только для XVI века. Тем более что состояние английской казны и многочисленные политические проблемы заставляли власть задумываться о проблемах совершенно иной природы.

Как бы то ни было, прошение Джона Ди осталось без ответа. Конечно в нем можно различить и «конъюнктурные» черты, а именно, желание еще недавно «опального» ученого доказать свою верность и «полезность» католическому режиму. Но вместе с тем нельзя не отметить, что Ди видел книжную проблему Англии шире многих современников. Вопрос доступности литературы был для него не менее актуален, чем проблема ее сохранения и, по мысли Ди, он должен был решаться на государственном уровне.

Еще три века пройдет, прежде чем в Великобритании будет принят «Акт о публичных библиотеках» (1850 г.) обеспечивший их общедоступность, бесплатность и существование на деньги налогоплательщиков. Опередившая время мысль, как это часто случается, осталась нереализованной и нецененной.

Источники и литература

- Dee J. A letter, containing a most briefe discourse apologeticall. // John Dee: Essential Readings. (2004) NY.: North Atlantic Books.
- Dee. J. A Supplication to Queen Mary for the recovery and preservation of ancient writers and monuments // Autobiographical Tracts of Dr. John Dee. (2003) Ed. J. Crossely. Whitefish, MT: Kissinger Publishing.
- French P. (1982) John Dee: The World of an Elizabethan Magus. L.: Routledge & Kegan Paul.
- Harkness D. (1999) John Dee's Conversations with Angels: Cabala, Alchemy, and the End of Nature. NY.: Cambridge University Press.
- Sherman W. (1995) John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. University of Massachusetts Press.

**Дискуссия Ланфранка и Ансельма о святом Эльфхеге
(на материале «Жития святого Ансельма» Эадмера Кентерберийского)**

Ходячих Сергей Сергеевич

Студент

Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар, Россия

E-mail: hodyachih@yandex.ru

Одной из проблем, с которой столкнулся Ланфранк в качестве главы английской церкви, является вопрос о культах местных святых. Как отмечает А. Грэнсен, «спустя поколение после Нормандского завоевания англосаксонские святые и святые находились в незавидном положении» и подверглись серьезному испытанию. Проблема заключалась в следующем: каким святым англосаксонского периода следует остаться по-прежнему почитаемыми многочисленными мирянами – англичанами, а каким исчезнуть безвозвратно. Ланфранк «рассмотрел их право на церковное поминовение».

В «Житии святого Ансельма, архиепископа Кентерберийского» монахом Эадмером описан случай, который отражает «антисаксонскую позицию» Ланфранка. Эадмер приводит строки, из которых явствует, что около 1080 г. между Ланфранком и Ансельмом состоялась дискуссия по поводу того, считать ли Эльфхегу местным святым и мучеником или нет. Этот эпизод – исключительный по своей важности с точки зрения формирования у Ланфранка отношения к местным традициям, исходя из его ценностных ориентиров и мировоззренческих установок.

Однажды Ланфранк, архиепископ Кентербери, которого «в те времена никто не превосходил по авторитету и широте познания» сказал Ансельму, полного «святости» и искушенного в теологии (который после смерти Ланфранка через четыре года займет его должность): «Это Англичане, среди которых живем мы, избрали себе определенных святых, которых они почитают. Но когда я задумываюсь о том, кем они были на самом деле, у меня не могут не возникать сомнения относительно их благочестия». В центре дискуссии оказалась святость Эльфхегу, архиепископа Кентербери, убитого данами в 1012 г. Ланфранка возмутил тот факт, что местные жители «почитают Эльфхегу не просто как *святого*, но как *мученика*, хотя они не отрицают тот факт, что он был убит не за исповедь Господу, но так как отказался выкупить себя за деньги». При этом он не отказывает Эльфхегу в высокой оценке, называя его «бесспорно, добродетельным человеком» и признавая в качестве его заслуги то, что «он мог получить эту сумму денег только ограбив своих собственных прихожан и, возможно, обрекая их на крайнюю нищету, но он предпочел умереть, чем согласиться на подобные условия». Ланфранку понятны мотивы, заставившие Эльфхегу принять смерть, поскольку, как отмечает кентерберийский монах Гервасий в своей «Истории архиепископов Кентерберийских», «он [Ланфранк] был настолько щедр по отношению к бедным, что ежегодно раздавал в качестве милостыни пятьсот фунтов», к тому же он «был скромным, щедрым в

подаяниях, защитником сирот и обездоленных», то есть в принципе, таким же, как и сам Эльфхег. Таким образом, Ланфранк, «кратко обрисовал ситуацию и представил ее на рассмотрение Ансельму».

Ансельм, по словам Эадмера, приводит в оправдание Эльфхега следующие аргументы. Очевидно, что «человек, который без колебаний готов умереть, нежели совершать грех против Господа, даже по малейшему пустяку, гораздо в большей степени предпочтет умереть, чем гневить Господа, совершая тяжкий грех», к тому же гораздо большим грехом кажется отрицание Христа, чем просьба об изъятии денег. Случай с Эльфхегом – наглядное тому подтверждение: он совершил наименьшее из всех зол, отказавшись выплатить требуемую сумму денег, и «впредь мы понимаем его замечательную стойкость». Здесь же Эадмер со слов Ансельма цитирует святого евангелиста Матфея: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф, 18:7). Так, используя прием аллюзии, Ансельм намекает Ланфранку на совершенно справедливую святость Эльфхега, который не поддавался никаким соблазнам и остался верен Христу до конца своих дней. Наиболее уместным аргументом, своего рода *ultima ratio*, Ансельм посчитал здесь приведение в качестве примера «главного мученика» Иоанна Крестителя, который «был убит не потому, что отказался чтить Христа, а потому, что отказался скрыть правду». Далее Ансельм задается вопросом: «а на самом деле, в чем разница в смерти за справедливость и в смерти за правду?», и подкрепляет это ссылкой на слова из Священного Писания о том, что Христос являет собой как правду, так и справедливость, следовательно, «тот, кто умирает за правду и справедливость, умирает за Христа, но тот, кто умирает за Христа, тот, по церковным законам, является мучеником». Таким образом, Святой Эльфхег *ipso facto* праведно пострадал за справедливость как Святой Иоанн за правду. Ланфранк, выслушав доводы своего оппонента, отмечает «тонкость и проницательность его ума», и соглашается с тем, чтобы «впредь Божьей милостью чтить Святого Эльфхега всем моим сердцем как замечательного мученика Христа». Так, доводы ученика убедили учителя, и Ланфранк постановил написать житие этого святого, что и было осуществлено Осберном уже после смерти Ланфранка в 1089 г.

На первый взгляд слишком подозрительной может показаться имплицитная легкость, с которой Ланфранк соглашается на доводы Ансельма, какими бы «безупречными и не поддающимися сомнениям» они не были. Салли Вогн высказывает предположение, что в душе Ланфранк мог быть и недоволен логикой своего оппонента, поскольку он был не тем человеком, который с легкостью соглашался даже с безоговорочными аргументами. Тем не менее, принятие решения в пользу святого Эльфхега, и сохранение его культа оказались свершившимся фактом.

Крайне любопытна позиция самого Эадмера, который и повествует нам о происходящих событиях. Участникам спора он дает высокую оценку, называя Ланфранка, не иначе как «преподобным прелатом», а Ансельма его «другом и братом, с которым он был одного мнения». Однако Эадмер отмечает, что Ланфранк, будучи современником Нормандского завоевания, был в то время очень плохо информирован («был в то время недостаточно искушенным в этом вопросе») об английских традициях, и подобное более чем пристрастное отношение к англосаксонским святым яркое тому подтверждение. Самого Эльфхега Эадмер называет «истинным христианином», который выступил против «неверующих гонителей» и пытался наставить их на путь истинный, при этом сойдя с пути безбожия и неверия. Очевидно, автор «Жития...» занимает сторону Ансельма – так подробно он приводит в доказательства его аргументы, к тому же в заключении отмечает, как Ланфранк «с любовью» к Эльфхегу стал чтить его культ.

В целом, итогом дискуссии можно признать то, что, несмотря на согласие Ланфранка сохранить и по-прежнему чтить культ святого Эльфхега, им были переработаны и исправлены церковный календарь Святой Церкви аббатства Кентербери,

отменены многие празднества в честь местных англосаксонских святых: остались только культы святых Августина, Дунстана и Эльфхега. Однако на протяжении XII в. многие англосаксонские святые были реабилитированы. «Казус Эльфхега» наглядно демонстрирует, как этнические мотивы переплетаются с религиозными и политическими, при этом именно последние задают тон остальным и являются стержневыми.

Литература

1. Gransden A. (1974) *Historical Writing in England*. Vol. 1, c. 550 to c. 1307. London, p. 105.
2. Eadmer. (1972) *The Life of St. Anselm Archbishop of Canterbury* / Ed. R.W.Southern. Oxford, p. 50–54.
3. *The History of the Archbishops of Canterbury*, By Gervase, Monk of Canterbury / Ed. and transl. by J.Stevenson // *The Church Historians Of England*. Vol. V. Part I. (1858) London, p. 304–307.
4. Vaughn S.N. (2000) *Among These Authors are the Men of Bec: Historical Writing among the Monks of Bec* // *Essays in Medieval Studies*. 17, p. 3–5.

Идеологический дискурс политики США в Латинской Америке

(конец XVIII – начало XX века)

Шалыгин Никита Михайлович

Аспирант

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: shalyga_again@list.ru

Механизмы формирования национальной идеологии США привлекают все больше и больше внимания современных исследователей. Не секрет, что появившаяся в последние десятилетия тенденция к однополярности мира во многом инициирована именно Соединенными Штатами Америки. Однако сопротивление, которое другие страны мира в той или иной форме оказывают подобным тенденциям, нуждается в цивилизованной и фундированной аргументации, непременно основанной на фактах. Анализ же фактов, свидетельствующих о закономерностях формирования принципов внешнеполитической деятельности США, в свою очередь, не возможен без анализа той идеологической платформы, которая послужила основой для возникновения этих закономерностей.

В условиях возникновения нового государства – США – формирование его идеологии происходило стихийно. С одной стороны, для этого процесса характерна убежденность отцов-основателей в том, что они совершают беспрецедентный в истории «эксперимент», то есть создают принципиально новое великое государство на неосвоенной еще земле. С другой стороны, отцами-основателями, да и всем американским народом, двигали Провиденческие идеи: американцы считали себя миссионерами, проводниками Божьей воли. Этот феномен хорошо иллюстрирует термин «Manifest destiny» («Явное предназначение»). Интересно и то, что идея «Явного предназначения» являлась обоснованием внешнеполитической деятельности США, и, претерпев разного рода трансформации, является им до сих пор. Функционирование и развитие идеологии США в XIX веке можно проследить на внешнеполитической деятельности молодого государства в странах Южной и Центральной Америки.

Проблемы создания идеологической платформы США в отношении стран Латинской Америки и являлась темой исследования.

Рассматриваемый исторический период весьма противоречиво представлен в мировой научной литературе. В данном исследовании автора интересовала, прежде

всего, американская историография второй половины XX века, являющаяся важнейшим механизмом формирования идеологического аппарата США. Исследования отечественных историков в данной области ограничены советским периодом, и не менее идеологизированы.

Используемый корпус источников может быть разделен на несколько групп:

1. Свидетельства современников
2. Политические документы
3. Периодические издания

Автор тезисов обобщил и проанализировал имеющиеся в отечественной и зарубежной историографии концепции по теории развития и функционирования идеологического аппарата во внешней политике США, и проследил его функционирование в странах Латинской Америки. Политика США в странах Латинской Америки на протяжении XIX-начала XX вв. прошла несколько стадий своего формирования. Существующие в мировой историографии концепты прогрессивного значения этого процесса не всегда и не во всем подтверждаются фактами.

Автор пришел к выводу, что идеологический дискурс политики США в странах Латинской Америки подразумевает три весьма важных стадии формирования межамериканских отношений в Западном полушарии в XIX – начале XX вв.

Источники

- Пейн Т. (1959) Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. М.: АН СССР.
 Токвиль А. де. (1994) Демократия в Америке. М.: Прогресс.
 Adams B. (1947) America's Economic Supremacy. New York.
 Bryce J. (1888) The American commonwealth. New York.
 Mahan, A.T. (1890) The influence of Sea Power upon history, 1660-1783. Boston.
 Richardson J.D. (1909) Messages and papers of the presidents. Washington.
 The United States Democratic review. (1837-1859) New York: J. & H. G. Langley.
 Sarmiento D.F. (1961) Memorias. Buenos Aires.
 Strong J. (1893) The New Era. New York.
 Turner F.J. (1994) The Significance of the Frontier in American History. New York: Henry Hold and Co.
 White William A. (1946) An Autobiography. New York.
 Wilson W. (1908) Constitutional Government in the United States. New York.

Литература

- Антясов М.В. (1981) Панамериканизм: идеология и политика. М: Наука.
 Болховитинов В.В. (1959) Доктрина Монро. Происхождение и характер. М.
 Бурстин Д. (1993) Американцы. Демократический опыт. М.
 Вильямс В.Э. (1960) Трагедия американской дипломатии. М.
 Крейтор Н. Фон. От доктрины Монро до нового мирового порядка // Политолог: народная политология.
 Ларин Е.А. (2007) Всеобщая история: Латиноамериканская цивилизация. М.
 От Аляски до Огненной Земли. (1967) М.: Наука.
 Перкинс Б. (1993) Парус и призма // Новый взгляд на историю США: Американский. ежегодник, 1992. М.
 Харц Л. (1992) Либеральная традиция в Америке. М.
 Хофстедер Р. (1992) Американская политическая традиция и ее создатели. М.
 Шлезингер А. (1992) Циклы американской истории. М.
 Conde A. de. (1963) The American Secretary of State: An Interpretation. London: Pall Mall.
 Heald M., (1977) Kaplan L.S. Culture and diplomacy. Westport.
 Niebuhr R.H. (1959) The kingdom of God in America.
 Perkins D. (1952) The american approach to foreign policy. Cambridge.

Stephanson A. (1995) Manifest destiny: American expansion and the Empire of Right. New York: Hill and Wang.

**Эволюция организации политической элиты средневековой Норвегии X-XIII вв.
на примере развития «хирда»**

Шелина Евгения Александровна

Студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: jshelina@rambler.ru

Процесс организации политической элиты в средневековой Норвегии вплоть до последнего десятилетия за редким исключением не привлекал внимания ученых, хотя эта линия анализа для других стран Западной Европы является одной из наиболее разработанных. Нашей задачей является проследить на основе древнескандинавских источников как с прохождением данным сообществом пути от конфедерации отдельно функционирующих, автономных общин к единому государству постепенно происходит монополизация властных функций в руках узкого круга лиц, элиты, организованной в особую группу - «хирд». Мы прослеживаем процесс развития по двум линиям: объединение и структурирование. Вместе со стратификацией норвежского общества и появлением субъекта, который взял на себя право единоличного принятия решений в сфере управления, в X-XIII веках происходит дифференциация функций власти. Одним из результатов данного процесса явилось возникновение должностей, которые занимали представители «хирда» на службе у конунга. Юридически они были упорядочены предположительно только к концу XIII века в «Уставе хирда» (1273-1277).

Само слово «hird» было заимствовано из англо-саксонского языка, где оно имело два основных значения: «домашнее хозяйство», «двор» или же «семья». Существует также версия о его происхождении от глагола «hirda» («охранять», «сторожить»). Оно впервые встречается в датских источниках в конце XI века. В норвежских источниках «hird» появляется, начиная с XII века. Однако именно это слово употребляется Снорри Стурлусоном для описания реалий уже второй половины X века, времени объединения норвежских земель под властью одного правителя. Именно с этого момента перед конунгом Норвегии встала задача организации системы управления населением подвластной территории, размеры которой с объединением значительно увеличились. С одной стороны, ему требовались люди, которые взяли бы на себя функции передачи его воли населению каждой области и организации обратной связи. С другой стороны, конунгу была необходима и большая, чем прежде, военная сила, чтобы, во-первых, контролировать внутреннюю жизнь присоединенных территорий, а во-вторых, защищать их от внешних вторжений. На начальном этапе рассматриваемого периода эти самостоятельные функции выполняли представители разных социальных групп, на завершающем этапе эти функции практически полностью реализовывались представителями «хирда». В XI веке управление территориями чаще всего передавалось в руки лояльных конунгу представителей местной знати, которая пользовалась авторитетом у населения. При этом функция контроля над их деятельностью была частично сосредоточена в руках членов «хирда»: например, «окольничие» на тингах выступали в роли посредников конунга и населения и выполняли свои функции вне зависимости от местной знати. В то же время основной функцией «хирда» являлась защита (именно поэтому первоначальным условием вхождения в него было наличие у претендента силы и храбрости).

С момента появления и признания «хирда» как определенной социальной группы внутри норвежского общества, имеющей привилегии, членство в ней становится привлекательным. Увеличение привилегий членов хирда закономерно приводит к

видоизменению процесса структурирования отношений как в обществе в целом, так и в «хирде», в частности. На протяжении XI века складывается группа семей, члены которых претендуют на монополизацию управления государством в своих руках, таким образом, и на занятие определенных должностей на службе у правителя, хотя назначение на должности формально весь рассматриваемый период было в руках конунга.

В то же время продолжается дифференциация функций управления, что приводит к возникновению новых «должностей» внутри «хирда»: окольников, знаменосец, стольник, факельщик и т.д. В XI веке начинает складываться их иерархия. Параллельно в сообществе появляется группа «гостей», которые выполняли задания конунга, считавшиеся недостойными членов хирда. Также и группа «хускарлов», в руках которых сосредоточилась домашняя работа при дворе конунга. Консолидация внутри «хирда», в частности, проходит на фоне конфронтации с этими группами. При этом остаются общими для этих трех групп «военные» обязанности, что сыграет свою роль в новом историческом периоде – периоде «гражданских войн» (1130-1240гг.).

В военное время необходимость взаимодействия этих трех групп была обусловлена как их сходными функциями (разведки, военных советников и просто личного войска правителя), так и желанием сохранить дарованные привилегии. Такая ситуация дает возможность правителю-узурпатору использовать наиболее развитую на тот момент организацию «хирда» как прототипную для организации «нового типа», когда берется общая организационная схема, но меняются персоналии как по стратам в целом, так и внутри страт. Примером первому являются множественные назначения на престижные должности при дворе представителей «низов», что ранее было редким случаем. Это привело к видоизменению позиций на всех структурных уровнях: раньше места де-факто предоставлялись по родовому признаку знатности, теперь этот критерий размыт. Примером второму является включение в состав «хирда» лендрманнов, которые издавна управляли обширными территориями от имени правителя и одновременно стояли во главе военных отрядов. Это объединение способствовало централизации королевской власти в период «гражданских войн», окончание которых открывает новый период в том числе юридического оформления сложившихся отношений, о чем мы можем судить на основании «Устава хирда» (1273-1277). В этом документе фиксируются отношения по вертикали и горизонтали. Управление норвежским обществом в основном сосредоточено в руках короля и «хирда», что свидетельствовало о процессе уже не первой попытки монополизации власти в Норвегии, следствием чего было появление привилегированных элитных групп как «закрытых» сообществ. При этом видоизменяется состав хирда: хирдманны, гости и хускарлы рассматриваются как корпорации внутри единой привилегированной организации, где все вопросы внутренней жизни решаются при соответствующей регламентации на сходе его членов. Внутри хирда происходит дифференциация на тех, кто служит при дворе, и тех, кто стоит во главе местной администрации. Таким образом, наблюдается процесс развития «целостности» через структурирование и дифференциацию отношений.

Литература

- Hirdskraa // "Norges gamle Love indtil 1387 Bd.2. Christiania, 1848.
 Saga Sverris konungs // Fornmanna Sögur Bd.8. Kaupmannahöfn, 1834.
 Saga Hakonar Hakonarsonar // Fornmanna Sögur Bd.19-20. Kaupmannahöfn, 1835
 Helle, Knut. Norge blir en stat 1130–1319. Bergen, 1974
 Steinar Imsen. King Magnus and his liegemen's "Hirdskra" -a portrait of the Norwegian nobility in the 1270s // Nobles and nobility in Medieval Europe. Woodbridge, 2000.
<http://www.heimskringla.no/original/heimskringla/index.php>

